

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты

Автор:

Ольга Баскова

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты

Ольга Баскова

Артефакт & Детектив

Если верить старинной легенде, графиня де Ла Мотт, укравшая драгоценное бриллиантовое ожерелье Марии-Антуанетты, не погибла в Англии, как утверждает историческая хроника, инсценировав свою смерть, она поселилась в Крыму, где и дожила до глубокой старости, сохранив в неприкосновенности бриллианты. Много позже на их поиски была послана группа сотрудников МГБ, но, по официальным данным, ожерелье графини так и не было найдено. Впрочем, тот, кто в наши дни одного за другим устраняет членов группы и их родственников, явно считает иначе...

Ольга Баскова

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты

© Баскова О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Париж, 1785

В один из морозных зимних дней богато одетая дама чинно вышла из подъезда одного из домов на беднейшей улице Парижа. Прохожим, кутавшимся в воротники пальто, странно было видеть эту женщину в мехах, с сияющими в маленьких ушах бриллиантами, и они смотрели на нее с нескрываемым удивлением. Незнакомка не замечала пристальных взглядов. Ее тонкие губы улыбались, голубые глаза сверкали. Судя по всему, она была счастлива. Сунув в муфту руки, в одной из которых она сжимала маленькую сумочку из черной кожи, женщина зашагала к экипажу, одиноко стоящему чуть в стороне. Сначала она не обратила никакого внимания на группу из трех оборванцев – подростков, которые шли за ней по пятам. Один из них перегнал женщину и перегородил ей дорогу:

– Тетя, дай монетку на хлебушек.

Дама вздрогнула:

– У меня ничего нет, мальчик. Ступай откуда пришел.

Два других присоединились к товарищу:

– Тетя, тетя, дай монетку!

Женщина испуганно озиралась по сторонам. Как назло, улица внезапно опустела.

– Тетя, а мы не верим, что у вас ничего нет, – заявил высокий и тощий как жердь подросток с белобрысым чубом. – Дайте свою сумочку.

Дама заметалась, как испуганная птица, но оборванцы, прижав ее к стене дома, вырвали из рук муфту вместе с сумочкой и растворились в сумерках.

«Там было сто луидоров», – крутилось в голове аристократки. Господи, зачем она взяла так много? Ведь она не собиралась жертвовать этой самозванке

королевской крови большую сумму и не пожертвовала. Что же теперь делать? Она собралась с силами и двинулась к своему экипажу, который оставила за два квартала. Конечно, это была глупость. Глупо стыдиться благотворительности. Наверное, за это ее и наказали высшие силы.

Разумеется, она не видела, как трое ее обидчиков, подождав, пока экипаж скрылся из виду, вынырнули из темноты, направились к тому подъезду, из которого вышла их жертва, поднялись по обшарпанной лестнице на второй этаж и постучали в дверь. Она сразу открылась, и в темном коридоре показалась фигура в белом халате.

– Вот. – Самый высокий протянул кошелек. Тонкая изящная рука открыла его и дала по золотому каждому из мальчиков.

– Надо бы прибавить, – сказал белобрысый.

– Обойдетесь. Для вас это целое состояние, – шепотом проговорила хозяйка квартиры. – Возможно, завтра нам так же повезет.

– Хотелось бы, – прогнусавил самый маленький. – Ладно, хозяйка, мы на стреме. Сегодня, наверное, уже никто не придет, а завтра с утра встанем на вахту.

– Да пораньше, – напутствовала их женщина. – Не провороньте свое счастье.

Кивнув на прощание, мальчишки ушли, тихо переговариваясь о барышах, которые удалось заработать за день. Такая работа им нравилась. Главное – осторожность. Не дай бог, они попадутся на глаза какой-нибудь ограбленной ими дамочке и она натравит на них полицию. Но для того, чтобы жертва причинила им неприятности, она прежде должна узнать своих обидчиков. А это не такое легкое дело. Тысячи оборванцев, похожих на этих мальчишек как две капли воды, бродили по Парижу в поисках наживы. На всякий случай завтра они облачатся в другие лохмотья и сильнее обмажутся грязью. Как говорится, береженого бог бережет. Радость от заработанных денег была через край, и парни выражали ее криками и гиканьем.

В тот момент они не думали о женщине, предоставившей им такой заработок, и не подозревали, что она была не менее счастлива. Подумать только, пять самых богатых дам Парижа, сами того не зная, подарили ей свои кошельки. Еще

немного – и можно обзавестись драгоценностями, красивыми платьями и экипажем, а потом просить кредит у банкиров. Однажды один человек из высшего общества сказал, что кредиты охотнее выдаются тем, кто приезжает в собственных экипажах. Что ж, он был совершенно прав.

Дивногорск, 2017

Юля проснулась от громкого чирикания воробьев на подоконнике и, открыв глаза, сразу их зажмурила. Яркий, прямой, как линейка, луч солнца, просочившись между красными, как густой томатный сок, занавесками с белыми полосками, упал на ее овальное лицо с маленьким вздернутым носом, покрытым едва заметными веснушками, чуть тронул пухлые губы, особенно верхнюю, слегка загнутую (за такие многие платят пластическим хирургам большие деньги), пощекотал высокие скулы, пушистые темные брови, переместился на волосы цвета спелой ржи и остановился на длинных ресницах.

– Дай мне поспать, – прошептала девушка, закрываясь ладошкой, но бродяга-луч упорно не хотел оставлять ее, ослепляя и заставляя встать, словно говоря: «Уже много времени, лежебока. И дел, кстати, сегодня у тебя много». Улыбнувшись, Юля вскочила и бросила взгляд на часы с кукушкой, гордость покойной бабушки. Кукушка давно не куковала, превратившись в дряхлого инвалида. Еще недавно она вылезала из гнезда, чтобы издать хриплые звуки и со скрипом исчезнуть, однако вот уже год у нее не хватало сил сделать даже это. Что случилось с механизмом и можно ли починить часы, Юлю не интересовало. Даже если мастер вынесет им смертный приговор, они все равно останутся висеть на стене, не гармонируя с современными моющимися обоями – в память о любимой бабушке. Да и дед никогда бы не позволил снять их и бросить на антресоли, где уже валялось много всякой всячины.

– Господи, уже половина девятого! – Юля схватилась за голову. – А мне еще нужно сбегать в церковь, освятить пасочки и отвезти их дедушке на дачу. Да и Сергей обещал подъехать к десяти. Хорошо, что сегодня солнечно. До чего надоел противный дождь!

А дождь действительно надоел не только ей, но и всему городу. Он лил, не переставая, ночь за ночью, день за днем, превращая городские парки в болота, бесконечно рисуя на оконных стеклах узоры, похожие на дождевых червей.

Облачившись в короткий махровый халатик, выгодно подчеркивающий красивую фигуру – узкие бедра, широкие плечи, рост почти модельный – метр семьдесят с лишним, девушка бросилась в ванную. Заурчал душ, потом зашумела вода в умывальнике, и Юля вышла свеженькой, чистой до скрипа, расчесывая влажные густые волосы.

– Позавтракать уже не успею, – с сожалением сказала она, глотая слюну при виде аккуратных маленьких пасочек, покрытых белой глазурью и посыпанных розовой присыпкой, напоминавшей пшеничную крупу. – Это ничего, дедушка напоит чаем.

Быстро сложив куличики в пакет, она надела черное с белым воротником платье (и Сергей, и дедушка считали, что оно очень ей идет). Золотистые волосы, выгодно оттеняемые черным, падали ей на плечи как естественное украшение. Накинула кожаную куртку, сунула ноги в туфли на высоком каблуке и, схватив сумочку из натуральной кожи, купленную на первую премию, полученную за статью о бывшем мэре и его окружении, выбежала на лестничную клетку. Юля обожала светлый праздник Пасхи, с колокольным звоном, суетой на улицах, запахом свежих куличей, наполнявшим подъезд, доносившимся почти из каждой квартиры. Когда-то и в ее квартире пахло ванилью и свежесдобитым тестом. Хлопотунья-бабушка каждый год делала куличи сама, морщась от магазинной выпечки, приносимой внучкой, как от зубной боли.

– О тебе же забочусь, – ласково говорила Юля, с сожалением наблюдая, как натруженные руки с коричневыми пятнами месят желтоватое тесто. – Тебе нужно отдыхать, сама на сердце жалуешься, а себе не изменяешь.

– Мне уже меняться поздно, – возражала бабушка. – Чувствую, что немного осталось, вот и хочу вас побаловать. Будешь обо мне вспоминать с теплотой.

– Ты и так много для меня сделала, – говорила Юля. – Вырастила... Отец и мама, сколько я помню, всегда были на работе.

– Труженики они, – улыбалась потемневшими губами бабушка. – И ты такая же труженица. Вот увидишь, пройдут годы, и ты своим внукам так же будешь печь пасочки.

Юля обнимала ее и уходила к себе, к своим книгам, а родной человек возился на кухне. Тогда девушка не воспринимала всерьез ее слова о скором уходе из жизни, но однажды бабушка не проснулась утром, и с ее смертью в их большой и дружной семье началась черная полоса. Через год от инфаркта скончалась мама, молодая, полная сил, удивительно красивая даже в пятьдесят, и отец, не выдержав, покончил с собой. Покончил с собой... Так говорили, однако дочь не верила. Папа был полковником полиции, сильным, волевым человеком, честным и неподкупным. Он знал, что после его ухода дочь останется со стариком дедом, его отцом, что он одинаково нужен обоим... Вот почему полковник не мог, не имел права их покинуть. Не мог – и точка. Так Юля и сказала старому другу отца, начальнику полиции Георгию Ивановичу Колесову, однако он лишь сокрушенно покачал головой:

– В жизни бывает всякое, деточка. Наверное, его подкосила смерть твоей мамы. Сдали нервы – и шагнул в петлю. Такое бывает и с сильными людьми.

Юля горячо возражала, однако ее возражения никому не были интересны.

– Я все равно доберусь до истины, – сказала она себе, выходя из кабинета Георгия Ивановича. – Вот увидите.

– Вот увидите, – повторила она и сегодня, сбегая с лестницы и с удовольствием вдыхая запах ванили. – Я докажу.

Юля подумала, что сегодня можно подробно обсудить вопрос гибели отца со служившим в полиции и недавно получившим звание капитана Сергеем и дедушкой, бывшим офицером. Кстати, она собиралась поинтересоваться, в каких все-таки войсках служил Матвей Петрович. А то неудобно получается... Хвастается своим подругам дедом-полковником и даже не знает, где и как он проходил службу. По огромной фотографии, висевшей на стене в большой комнате, ничего не скажешь. Три звезды на погонах с двумя пролетами – точно полковник. И на этом кончаются все ее знания. Стыдоба какая... Бабушку о многом не успела расспросить, маму, отца... Путь хотя бы дед восполнит пробелы в ее знаниях о семье. Улыбнувшись своим мыслям, представив встречу с дедушкой, всегда радовавшимся ее приходу, она не заметила, как дошла до храма, в который любила ходить ее мать, – собора Святых Петра и Павла. От ступенек и вдоль ограды тянулась огромная очередь жаждущих освятить куличи и крашеные яйца. Старушки со счастливыми морщинистыми лицами, в белых платочках и темных юбках громко пели: «Христос воскрес из мертвых, смертью

смерть поправ...» Все ждали выхода батюшки, отца Сергея, довольно молодого, румяного, с излучавшими доброту глазами. Юля разложила на полиэтиленовом пакете свое пасхальное угощение и, когда показалось шествие, с удовольствием сунула одно яичко, ярко-розовое с крапинками, в корзинку мальчика-дьячка. Отец Сергей, с торжественной улыбкой напевая пасхальный канон, освящал и прихожан, и их корзины. Женщины подпевали. Величественная песня, казалось, взмывала ввысь и разливалась в небесной лазури необыкновенными серебристыми переливами. Девушка с удовольствием подставила голову, и батюшка окропил святой водой ее золотистые волосы. Ей показалось, что сразу исчезла усталость, накопленная за трудную трудовую неделю, на душе стало легко и радостно. Созвучно ее настроению, в сумке пением птиц разразился мобильный. Дисплей высветил имя – Сергей.

– Здравствуй, любимая, – раздался его чуть глуховатый голос. – Христос воскрес!

– Воистину воскрес, – отозвалась девушка. – Ты где?

– А ты? – в тон ей спросил мужчина. – Впрочем, погоди. Дай отгадаю. Ты святишь куличи.

– Недаром ты полицейский, – рассмеялась Юля. – Только что закончила.

– Тогда подъезжаю. – Он отключился, и девушка стала оглядываться по сторонам. Сергей жил неподалеку от собора, из его окна можно было увидеть огромные золотые купола, отливавшие на солнце каким-то особым цветом – от золотого до красновато-коричневого. И до полицейского управления было рукой подать, от храма два квартала. В общем, ему повезло – все под боком, даже любимая девушка. Увидев черный «Опель», Юля махнула рукой водителю и быстрым шагом направилась к нему. Капитан Сергей Плотников, как всегда в безукоризненно белой рубашке и коричневом кожаном пиджаке, восседал за рулем. Его красивое мужественное лицо озарилось улыбкой при виде любимой, стальные с золотыми крапинками глаза просветлели, разгладились две поперечные морщинки на широком лбу.

– Здравствуй. – Он выскочил из машины и помог Юле сесть на переднее сиденье рядом с собой. – Ты не поверишь, как я соскучился!

– Я тоже соскучилась, – рассмеялась девушка и чмокнула его в смуглую щеку, проведя пальцами по смоляно-черной шевелюре. – Странно, правда?

– Что же тут странного, если мы любим друг друга? – Молодой человек обнял ее, обдав запахом дорогого французского парфюма – он не жалел денег на хорошие вещи, а китайские подделки терпеть не мог. – Ну что, поехали обрадуем деда?

Юля достала телефон и взглянула на дисплей.

– Странно, что он еще не звонил, – удивилась она.

– Юленька, зачем ему звонить, если он и так знает, что ты приедешь? – успокоил ее Сергей. – Мы, мужчины, стараемся не тратить время на уточнение того, что и так ясно.

– Да, но обычно он звонит еще утром. – Самойлова бросила телефон в сумочку. – Ладно, наверное, ты прав. Вчера вечером мы обстоятельно обо всем поговорили. Поехали.

– Слушаю и повинуюсь. – Сергей взял под воображаемый козырек, и машина тронулась с места, сразу свернув на дорогу к дачному поселку. Вот уже много лет, еще до смерти сына и невестки, Матвей Петрович жил на даче, которую обустроил еще при бабушке. Добротный каменный дом в три комнаты, с верандой, увитой диким виноградом, на которой он по вечерам в теплые дни любил почаевничать, участок в пять соток, где что только не росло: и съедобное – помидоры, огурцы, баклажаны, кабачки, картофель, вишни, сливы, яблоки, виноград, клубника, малина; и несъедобное, но очень красивое: розы, тюльпаны, лилии, душистый горошек... Матвей Петрович никогда не отпускал внуку без огромного букета цветов. Весной это были тюльпаны, нарциссы, растрепанная белая и фиолетовая сирень, летом – садовые лилии с лепестками, обсыпанными желтой пылью, огромные красные розы с толстыми шипами и темно-зелеными глянцевыми листьями, осенью – другие розы, желтые с розовым, стройные гладиолусы, издававшие тонкий аромат французских духов. Когда Юля оставалась ночевать, они с дедом жарили шашлыки на старом мангале, там же пекли картошку, яблоки, резали салат и с удовольствием съедали все на ухоженной веранде, выкрашенной в зеленый цвет и оплетенной, как паутиной, диким виноградом, в изобилии дававшим летом черные круглые плоды, которые, к сожалению, нельзя было есть. Зимой, с наступлением холодов, девушка звала

деда пожить в квартире, однако он непременно отказывался.

– У тебя своя жизнь, Юла, – так он называл ее с младенчества – Юла – и все тут. Она привыкла и уже не представляла, что Матвей Петрович назовет ее как-то по-другому. – Я не хочу тебе мешать. А на даче мне очень хорошо. Ты даже не представляешь, как. В моем возрасте человек живет воспоминаниями. Я хожу по дорожкам и вспоминаю, как мы с твоей бабушкой сажали деревья, поливали цветы... Как ты бегала маленькая по грядкам, а мы любовались тобой. Нет, дорогая, это мой мир, и я не собираюсь его покидать. Что касается холодов... Печка меня прекрасно согревает.

Юля пыталась спорить, но в конце концов сдалась. Если деду там хорошо, пусть живет. Магазин рядом, даже импровизированный рыночек есть. Дачники несут туда свежие молочные продукты, птицу, яйца, фрукты и овощи. Многие приезжают из города, чтобы полакомиться парным молочком и сметанкой. Экологические продукты, как известно, продлевают жизнь. Наверное, потому дед в свои восемьдесят выглядел молодцом.

Думая о своем, она не заметила, как машина миновала пустой рынок. Наверное, продавцы еще не вернулись из церкви, построенной из простых, гладко отполированных березовых бревен и напоминавшей сказочный терем с красной крышей и маленьким, будто игрушечным куполом. Возле нее толпился народ, и Юля так, на всякий случай, поискала глазами деда. Он рассказывал, что бабушка в последние годы жизни сделалась религиозной, регулярно посещала церковь и вычитывала вечерние и утренние молитвы. Это казалось странным всем, кто ее знал, потому что Ксения Павловна в молодости слыла комсомолкой-активисткой. Матвей Петрович не разделял ее религиозных взглядов, однако храм иногда посещал, три раза в году точно. В толпе его не было, впрочем, если дедушка и заходил в церковь, то рано утром, так как после десяти ждал в гости внучку. Сергей свернул на дорогу, змейкой вившуюся между дачами, довольно разношерстными – от трехэтажных особняков до деревянных, почерневших от времени хаток, и притормозил возле домика из красного кирпича, огороженного забором из колючей проволоки. По привычке молодой человек посигналил, ожидая выхода старика, однако никто не торопился их встречать.

– Спит, что ли, Матвей Петрович? – удивленно проговорил полицейский, дотрагиваясь до прямого тонкого носа.

– Скорее телевизор смотрит и не слышит. – Юля, пытаясь подавить волнение, выскочила из машины и рванула на себя калитку. Как всегда, она оказалась открытой. – Дедуля, мы приехали! Дедушка, ты где?

По каменным вычищенным плитам она подошла к веранде. На дубовом столе, покрытом белой, местами попорченной, исполосованной шрамами скатерти с красными маками стоял стакан с недопитым чаем. Закопченный старый ветеран-чайник устался на нее своим коричневым боком, на блюдечке сох ломтик лимона. Вероятно, дедушка напал на какую-то интересную передачу и забыл почаевничать всласть. Такое за ним водилось.

– Дедушка! – Юля вошла в коридор. Здесь стояли несколько пар обуви, служившей Матвею Петровичу для разных целей: в одной он вскапывал огород, в другой наведывался в сельский магазин, в третьей шел к озеру ловить рыбу или за грибами.

– Дедушка! – повторила девушка чуть громче и удивилась. Что-то в доме было не так. Телевизор, верный друг дачника, не работал. Непривычная тишина (вовсе не та доброжелательная, к которой она привыкла, нарушаемая лишь скрипом половиц, порывами ветра, дребезжанием оконной рамы) заставила сердце биться сильнее, выжала холодный пот. Самойлова вошла в комнату и споткнулась об опрокинутый стул.

– Да что же... – она недоговорила, проглотив слова, запнувшись, будто подавившись ими. В комнате, любовно убираемой стариком, царил полный разгром. Ящички старого серванта кто-то выдвинул до предела, разбросал их содержимое, и скромное бельишко Матвея Петровича валялось на полу. Полка из-под книг, которые он любил перечитывать, лежала возле окна. А сами книги небрежно разбросали по ковру. Разинутой пастью зияла открытая тумбочка. Девушка бросилась в соседнюю комнату, служившую старику спальней. На панцирной кровати кто-то скомкал одеяла и простыни, вспорол подушку. Пух белым снегом кружился по комнате, непрошеным гостем залезая в нос. Дедушка лежал у кровати, неловко подогнув больную ногу. На его посиневшем лице застыло выражение скорби и боли. Дыхание с хрипом вырывалось из едва вздымающейся груди. Белая рубашка, надеваемая только в торжественных случаях, пропиталась кровью. Юля зажмурилась и громко закричала. Сергей пулей влетел в спальню старика.

– Что случилось?

Не переставая кричать, Юля указала на Матвея Петровича. Капитан подскочил к нему, чертыхнулся сквозь зубы и прижал пальцы к худой смуглой шее старика. На его лице сначала отразилась досада и недоумение, а потом Сергей щелкнул пальцами.

– Жив. Звони в «Скорую», а я своих ребят вызову. Эх, у кого рука поднялась... – Выругавшись в сердцах, он достал из кармана мобильный и быстро набрал номер.

– Андрюха? Бери-ка нашу бригаду и скорее дуй в дачный кооператив «Бриз». Дед моей невесты, Матвей Петрович Самойлов... Короче, тяжело ранен. Нет, не огнестрел, пока сам не разберусь, что с ним делали. – Он бросил взгляд на пропитанный кровью ковер. – Думаю, большая потеря крови. Да, Юля вызывает «Скорую». Что? Похоже на ограбление, вероятно, действовали какие-то отморозки. Все разворотили. Что искали – не пойму. Старик проживает здесь давно, и всем было известно, что красть у него нечего. В общем, бегом.

Отправив аппарат в карман, Сергей подошел к дрожащей от страха невесте, лицо которой почти сливалось с белой штукатуренной стенкой, и крепко обнял ее.

– Юленька, тебе нужно крепиться. Он сильный, думаю, справится. – Мужчина глотнул, отметив про себя, что это очень неудачное утешение прозвучало неуверенно. Не вовремя навернулось на язык вводное слово «думая».

– На это вся надежда, – буркнула девушка. – Боже, ну почему, почему? Какая кара преследует нашу семью? Кому мы что сделали? – Она нервно поднялась и выглянула в окно, задернутое старым тюлем. – Сначала мама, потом отец... И вот теперь дед. Господи, – она торопливо перекрестилась, ища глазами образок и не находя, – сохрани ему жизнь! – Потом, всплеснув руками, добавила: – Он умирает... Может быть, мы можем чем-то помочь?

– Мы не знаем, что с ним. – Сергей снова прижал ее к себе. – Судя по всему, кто-то пытал его, вон крови сколько. И ты ничем не сможешь. Только врачи...

Как бы в подтверждение его слов раздался вой сирены «Скорой», и белая с красным машина притормозила у калитки. Юля бросилась встречать врачей –

высокого мужчину лет сорока и полную черноволосую и черноглазую женщину с суровыми чертами лица. Через минуту они уже были в доме.

- Где? - отрывисто поинтересовался врач и, едва дождавшись ответа, вбежал в спальню и склонился над Матвеем Петровичем.

- Григория зови, - распорядился он. - И срочно переливание.

Женщина оказалась на удивление проворной. Она сбегала за водителем, и дедушку положили на носилки и понесли к машине. Юля бежала рядом, поправляя простыню, которой она накрыла старика.

- Я с вами, можно? - Девушка умоляюще посмотрела на доктора, и тот кивнул:

- Давайте, только быстро. Залезайте.

Сергей едва успел обнять любимую:

- Позвони мне, как только сможешь.

- Да, обязательно. - Поддерживаемая женихом, Самойлова влезла в салон. Полная женщина уже готовила капельницу.

- Группу крови деда знаете? - спросил врач отрывисто. Юля закивала так быстро, что, казалось, голова оторвется от тонкой длинной шеи.

- Третья положительная, как у меня. Если что, я могу...

Мужчина испытующе посмотрел на нее:

- Пригодится. Гриша, гони.

Автомобиль рванул, провожаемый любопытными взглядами соседей. Сергей вздохнул и вернулся в комнату, ожидая своих товарищей.

Париж, 1785

Граф Алессандро Калиостро расхаживал по богато обставленному залу, довольно потирая подбородок. Он находился в Париже не один месяц и пока не собирался покидать гостеприимную Францию. Легковерных дураков в его жизни всегда хватало, и среди французов их нашлось более чем достаточно. Его затасканная байка о том, что он родился во время сотворения мира и спасся от Всемирного потопа на Ноевом ковчеге, шла на ура. На деле выходило, что ему более полутора тысяч лет, даже две без двухсот, но это никого не смущало. Знатные дамы и кавалеры всюду раскупали его бальзам, веря, что им тоже удастся сохранить молодость. Ах, молодость, молодость! На что только не пойдет человек, чтобы ее продлить! Калиостро подошел к столу, накрытому парчовой с золотой вышивкой скатертью, и взял в руки флакон с позолоченной крышкой. Внутри поблескивала зеленоватая жидкость – его знаменитый бальзам. Сколько ему удалось его продать? Тонну? Граф поставил флакон на место, подошел к маленькому шкафу из орехового дерева и открыл верхнюю створку. На полке красовалось с десяток таких флаконов.

«Маловато, – решил Калиостро. – Завтра у меня спиритический сеанс. После него наверняка найдутся желающие приобрести чудодейственное зелье. Нужно сегодня же постараться изготовить хотя бы парочку флаконов». Приняв решение, мужчина пригладил напудренный парик и улыбнулся. Он вспомнил, как дотошный престарелый маркиз де Совиньи, у которого отсутствовала половина зубов и волос, с желтым, как старый пергамент, лицом, испещренным морщинами, допытывался, сколько времени нужно принимать это зелье, чтобы помолодеть хотя бы на десяток лет. Калиостро наобум брякнул, что не менее пятидесяти. Совиньи помрачнел и заявил, что тогда ему нет никакого смысла платить такие деньги за лекарство, которое, по сути, ему не пригодится: дескать, он вряд ли проживет еще полвека. Граф с тщательно отрепетированной приятнейшей улыбкой заверил старика: снадобье продлевает не только молодость, но и жизнь. А значит, у почтенного маркиза нет никакого повода волноваться. Разумеется, он проживет пятьдесят лет и в один прекрасный день заметит, что к нему возвращается молодость. Это решило дело. Недоверчивый Совиньи приобрел два флакона.

Калиостро мысленно посмеялся над ним, как и над всеми остальными покупателями. Шафран, настойка алоэ, розовая вода, входившие в эликсир, никак не причинят вреда, но и не принесут никакой пользы. Да, на доверчивости людей определенно можно сделать и деньги, и имя.

Граф подошел к зеркалу и довольным взглядом окинул себя с головы до ног. В зеркале отразился представительный мужчина средних лет с прекрасным цветом лица, в меру полноватый, с умными серыми глазами и пронзительным взглядом. «Порой я и сам начинаю верить, что мне более тысячи лет», – усмехнулся Алессандро и позвонил в колокольчик. Верный слуга Гильом, юркий, проворный мужичок, напоминавший доброго гнома с мышинным личиком, тотчас возник перед господином:

– Что прикажете, сударь? Для завтрашнего спиритического сеанса все готово.

– Не все, мой дорогой Гильом, – возразил граф. – Я хочу поручить тебе одно очень важное задание. Только ты с твоим умом и деликатностью способен его выполнить.

Слуга склонился так низко, что с парика посыпалась пудра.

– Я к вашим услугам, синьор.

– Тебе во что бы то ни стало нужно разыскать одну женщину и пригласить ее на сеанс, – сказал хозяин. – Я слышал, сейчас она в Париже, и мне необходимо видеть ее у себя.

– Если эта женщина богата и знатна, мне ничего не стоит выполнить ваше поручение. – Гильом по-прежнему стоял в угодливой позе.

– На данный момент она скорее бедна, чем богата, – отозвался Алессандро. – Она носит графский титул, как и я. Он достался ей от мужа. Но в обществе ее не принимают.

Слуга вытаращил глаза:

– Вы хотите, чтобы такая женщина присутствовала на вашем сеансе? Но что скажут маркиза, графиня и...

Калиостро поднял изящную белую руку с ухоженными ногтями.

– Эта дама довольно деликатна, и я не сомневаюсь, что она наденет густую вуаль. Что же касается дальнейших действий, предоставь это мне.

Он гордо выпрямился, и слуга с восхищением посмотрел на своего господина. Да, поистине он благородного происхождения, что бы ни болтали злые языки. Горделивая осанка, умный пронизательный взгляд, орлиный нос...

– Я сделаю все, что вы прикажете.

– Вот и отлично. – Алессандро взял со стола листок и подал слуге. – Ее зовут Жанна де Ла Мотт. Еще совсем недавно она проживала по этому адресу, но не уверен, что графиня находится там и сейчас.

Гильом пробежал глазами округлые буквы.

– Вы правы, синьор. Не такая это улица, чтобы находиться там долгое время. Разве только... – Он не закончил фразу и поклонился: – Я отыщу ее, чего бы мне это ни стоило.

– Поторопись, – напутствовал его хозяин. – Не тебе напоминать, что мой спиритический сеанс назначен на завтра.

Гильом развел руками:

– Разумеется, синьор.

Когда слуга удалился, Калиостро довольно потер вспотевшие ладони. Если эта женщина согласится... если согласится... А она должна согласиться, черт возьми... Услышав о ней, он долгое время не упускал ее из вида. Так вот, если она согласится, они вдвоем... Впрочем, Алессандро решил не загадывать.

Дивногорск, 2017

Девушка сидела как во сне. Врач и медсестра суетились возле деда, поправляли капельницу, а он, неподвижный и бледный как смерть, лежал, ничего не слыша и не видя. Юля вышла из ступора только тогда, когда водитель облегченно вздохнул:

– Приехали.

Выскочив из салона, бригада «Скорой» вытащила носилки и торопливо повезла Матвея Петровича к семиэтажному новому корпусу, где располагались хирургическое и кардиологическое отделения. Какой-то мужчина средних лет в белом халате, с потным широким лицом стоял на ступеньках, и Юля почему-то подумала, что это заведующий отделением. Глянцевый бейджик на униформе осветил луч солнца, и Самойлова прочитала: «Егоров Павел Николаевич».

– Сюда, сюда, осторожнее, – направлял он медиков, и вскоре носилки остановились возле белой стеклянной двери с надписью «Реанимация». Врач «Скорой» и медсестра, попрощавшись, ушли. Полную черноглазую женщину сменила другая медсестра, в зеленоватом медицинском халате. Толкнув дверь ногой, она исчезла за белым стеклом.

– Я его внука, – обратилась девушка к доктору и подалась вперед, собираясь зайти туда, где ее деду пытались сохранить жизнь. – Кроме меня, у него никого нет. Да и у меня тоже. – Она взмахнула руками. – Ну пожалуйста, я вас прошу!

Павел Николаевич, как заправский охранник, преградил ей дорогу:

– Дальше вам нельзя. – Доктор дружески похлопал девушку по плечу. – Он без сознания, в очень тяжелом состоянии. Мой вам совет – идите домой. Если что-то... – Егоров замялся и покраснел. – Мы вам сразу...

Девушка вцепилась в рукав зеленоватого халата:

– Если что? Что вы имеете в виду? Что? Что???

Доктор избегал смотреть на Юлю.

- Ну, говорите, говорите! Вы хотите сказать, что его не удастся спасти?

- К сожалению, мы не боги. - Доктор открыл стеклянную дверь. - Идите домой, я вам сказал. Вы никому ничем не поможете. Будете только мешать.

Юля покачала головой:

- Нет, нет, как я могу уйти?

Доктор пожал широкими, как у борца, плечами:

- Ну как хотите. Тогда посидите пока здесь. Но я уверен, что никаких изменений в его состоянии не будет, по крайней мере, несколько часов.

- Да. Да, я понимаю, - рассеянно кивнула девушка. - И все же я останусь.

Она села на стул и погрузилась в раздумья. Перед ней проносились картины счастливой семейной жизни, но это было давно, очень давно. Вот бабушка, заботливая, хлопотливая, печет пироги с рыбой, вот дед, вернувшийся с рыбалки, коптит рыбу на даче, вот мама, здоровая, счастливая, красивая, рвет цветы - огромные розы со звучным названием «Глория», желто-розовые, умопомрачительно пахнущие, вот отец, улыбающийся широкой улыбкой... Да, это было действительно давно.

Юля не заметила, как задремала. Картины мирной жизни продолжали проноситься перед ее глазами. Наконец чуть глуховатый, напряженный голос врача вывел ее из забытья:

- Он пришел в себя и спрашивает о вас/

Самойлова вскочила, опрокинув стул:

- Куда идти?

- Идите за мной.

Он распахнул дверь, ту самую, стеклянную, с пугающей надписью.

– Заходите.

Юля почувствовала, как дрожат колени. Ей почудилось, что она входит в тот, другой мир, и от человека, стоявшего рядом, зависит, выйдет ли она отсюда вместе с бабушкой или останется совсем одна.

– Скажите, у него есть шансы на выздоровление?

Доктор пожал плечами:

– Не хочу вас обнадеживать. Сами понимаете, возраст. Но это уже во-вторых. Отморозки истыкали его каким-то острым предметом. Огромная кровопотеря.

Он остановился и приоткрыл дверь палаты:

– Вот мы и пришли. – Мужчина подталкивал Юлю к кровати, на которой лежал бабушка, но Самойлова медлила. Увидеть его, самого родного и любимого, в таком беспомощном состоянии... Нет, это выше ее сил.

– Подойдите, не бойтесь, – убеждал ее доктор. – Несколько минут... У вас всего несколько минут.

Наконец Юля заставила себя подойти к кровати и охнула. Бабушка, дедуля, звавший ее любовно Юлой, лежал бледный, как укрывавшая его щуплое тело простыня. Тонкий нос с небольшой горбинкой заострился. В осунувшемся лице не было ни кровинки. Серые волосы ерошились как-то по-детски беззащитно.

Она дотронулась до безжизненной руки в старческих пигментных пятнах:

– Дедуля... Бедный мой дедуля... Как же так... Как же так...

Синие губы больного дрогнули. Врач, как часовой, стоявший у изголовья, наклонился над ним.

– Матвей Петрович, вы меня слышите?

Мужчина открыл большие глаза цвета стали и оглядел пришедших. Увидев любимую внучку, он словно засветился изнутри.

– Юла, как хорошо, что ты здесь, моя внученька. – Старик попытался приподняться. – Если бы я не успел поговорить с тобой, я бы себе это не простил даже на том свете. – Матвей Петрович закашлялся, и на губах появилась кровавая пена. Врач сразу засуетился.

– На сегодня достаточно. Поверьте...

Матвей Петрович тяжело задышал:

– Доктор, не мешайте... Иначе не успею. Чувствую, мне недолго осталось. Юла, не перебивай... – Его дыхание становилось все прерывистее. – Пусть доктор уйдет... Ненадолго...

– Павел Николаевич, вы бы не могли оставить нас наедине? – попросила Самойлова. – Пожалуйста.

– Но... – слабо пытался протестовать доктор, и она с усилием подняла руку, как бы умоляя его замолчать:

– Я прошу вас.

Павел Николаевич сдался:

– Ну хорошо, только недолго.

Когда за ним закрылась дверь, дед снова попытался приподняться, заставляя себя это сделать каким-то невероятным усилием воли. Казалось, желание что-то поведать близкому человеку придавало ему силы.

– Я был не прав, что так долго молчал.

Юля наморщила лоб:

- Ты о чем?

Лицо деда покраснело от напряжения.

- Прости меня, Юла, за все прости. - Она попыталась что-то сказать, но Матвей Петрович остановил ее: - Тише, мне трудно говорить... Я виноват перед всеми... из-за меня умерла твоя мать, и мой сын покончил с собой... Когда-то я совершил страшную вещь, присвоил чужое, а она меня предупреждала, что этого не следует делать...

- Кто предупреждал? - Самойлова ничего не понимала.

- Черная графиня. - Дед схватился за грудь. - Умираю, умираю... Успеть бы сказать... Она приходила к нам в Артеке, предупреждала, предупреждала... Ты должна найти ее могилу и все вернуть... Все драгоценности... У меня на даче... Карта... Люди... Они были тогда со мной... У них тоже... Найди их...

- Дедушка! - Юля вцепилась в его руку. - Дедушка, о ком ты говоришь? Я ничего не понимаю! Дедушка!

- Черная графиня, она... - Старик вдруг широко распахнул глаза, будто пытался лучше рассмотреть внучку, склонившуюся над ним, захрипел и упал на подушку.

- Дедушка! - Девушка принялась трясти старика, но он лежал безмолвный и недвижимый, не реагируя на ее рыдания. Будто опомнившись, Самойлова выскочила из палаты и помчалась по коридору, истошно крича:

- Павел Николаевич!

Он возник точно из ниоткуда, в зеленоватом халате, с бледным лицом, с застывшим вопросом в глазах.

- Он умер, умер... - Юля схватила его за руку. - Доктор, умоляю, быстрее, может быть, можно что-то сделать.

– Посмотрим, посмотрим, – бормотал Павел Николаевич, ускоряя шаг. В стеклянную дверь они ворвались вместе. Дедушка лежал в той же позе, только успевшее загореть лицо уже не выражало страдание – оно казалось спокойным и умиротворенным. Юля вспомнила посмертные маски великих людей. Они ничего не выражали. Вот и сейчас она видела просто гипсовое лицо, не имевшее ничего общего с ее дедом, которому, казалось, смерть принесла облегчение и открыла какую-то важную истину. Доктор пощупал пульс и тяжело вздохнул:

– К сожалению, Юля, вы правы. Он действительно скончался.

– Но почему, почему вы его не спасли? – Юля вдруг зарыдала истерично, навзрыд, как ребенок. Павел Николаевич слегка прищурился, вероятно, думая, какие слова лучше сказать в этом случае, однако ничего не придумал.

– Я знал с самого начала, что не спасу его, – признался он. – Возраст и ужасные раны, к тому же большая кровопотеря. Его не спас бы даже бог медицины. Вы взрослый человек и должны это понимать.

Юля сникла, бессильно опустившись на кровать рядом с Матвеем Петровичем.

– Мой разум не хочет воспринимать это, – проговорила она, всхлипывая. – Он был для меня самым близким человеком.

– Все мы когда-то теряем близких, – философски заметил врач.

– Я потеряла их слишком рано. – Самойлова поднялась и направилась к двери. Обернувшись на пороге, она бросила взгляд на тело, которое доктор прикрыл простыней.

– Когда я могу его забрать?

– Думаю, послезавтра, – ответил Павел Николаевич. – Но постойте, зачем забирать? Мы подготовим необходимые документы, вы принесете вещи. Заберете дедушку в день похорон, так все делают.

– Да, да, хорошо, я так и сделаю, – кивнула девушка.

– Завтра приходите за свидетельством о смерти, – сказал врач. – Только не сюда, в морг. Он возле церкви.

– Да, хорошо. – Она хотела добавить «спасибо», но не могла произнести это слово, почему-то считая, что доктор сделал не все возможное для спасения деда.

– До свидания, – попрощался Павел Николаевич.

На негнущихся ногах Юля вышла из больницы и опустилась на скамейку возле маленького фонтанчика – безвкусного сооружения родом из шестидесятых, натужно выбрасывавшего ржавую струю. В сумке затренькал мобильник, и девушка вспомнила, что давно не общалась с Сергеем. Он оставался на даче, поджидал оперативную группу. Удалось ли им что-нибудь найти?

Она нажала кнопку, и в трубке раздался голос любимого:

– Как вы?

– Матвей Петрович умер, – выдохнула Самойлова. – Сережа, я осталась совсем одна.

– Ты не одна. – Сергей пытался ее успокоить как мог, но чувствовал, что у него плохо получается. – Я с тобой, и тебе это известно.

– Теперь нужно думать о достойных похоронах. – Юля нервно глотнула. – Скажи, а как дела у тебя? Удалось что-нибудь отыскать?

– Удалось понять, что это не обычное ограбление, – пояснил молодой человек. – Твой дед недавно получил пенсию, и она в целостности и сохранности лежала в его портмоне. Преступники не могли ее не увидеть. Значит, их интересовало другое. Я уже успел позвонить Павлу Николаевичу, чтобы договориться о передаче тела на судмедэкспертизу. Так вот, доктор полагает, что Матвея Петровича пытали. Его искололи острым предметом, предположительно шилом. Выходит, преступники хотели что-то узнать. У тебя есть какие-нибудь предположения?

– Есть, – призналась девушка. – Перед смертью дедушка пытался мне что-то сказать, попросить прощения... Но я ничего не поняла. Он говорил о какой-то черной графине, которая преследовала его еще в Артеке. Артек, Артек. Это в Крыму, правда? – уточнила она. – Но почему дедушка вспомнил Артек? Он никогда не говорил, что отдыхал там.

– Что еще? – деловито поинтересовался Сергей. – Юля, я понимаю, как тебе трудно, но ты должна вспомнить этот разговор во всех подробностях. Это очень важно.

Самойлова наморщила лоб:

– Он сказал, что взял что-то, чего не должен был брать, и просил меня найти какие-то драгоценности и вернуть в могилу. Только в какую? Этой черной графине?

– Милая, что еще? – умолял ее молодой человек. – Как найти эту могилу или драгоценности? Он был обязан дать тебе какую-то наводку.

– Да, дедушка упоминал о карте... – пробормотала она. – Но где ее искать? Об этом знают какие-то люди, однако дедуля не успел сказать, кто они.

Полицейский задышал в трубку:

– Карта, карта... Вероятно, за ней и приходили эти отморозки. Или за драгоценностями, но, скорее всего, за картой. Судя по всему, с помощью карты Матвей Петрович и просил отыскать эти самые драгоценности. – Он помедлил, словно обдумывая слова. – Любимая, как бы тебе ни было трудно, мы должны осмотреть на даче каждый уголок.

– Но я... – замялась Юля. – Мне тяжело туда возвращаться. И потом, почему ты думаешь, что грабители не нашли карту?

– Не нашли. – Он отвечал довольно уверенно. – Иначе твой дед не просил бы тебя найти сокровища. Их спугнула соседка, тетя Шура, которую мы позвали в понятия. Как выяснилось, она собиралась зайти к Матвею Петровичу похристосоваться, увидела открытую калитку, услышала какую-то возню в доме,

покликала твоего деда, но войти не решилась. Может, если бы вошла – кто знает? – спасла бы ему жизнь. Может, своей бы лишилась... Ей показалось, что кто-то выпрыгнул в окно спальни, но описать его она, естественно, не в состоянии. Юлечка, ну будь мужественной, прошу тебя.

Девушка вздохнула:

– Хорошо. Сейчас возьму такси.

– Жду.

Ей удалось поймать машину довольно быстро. К счастью, водитель, пожилой мужчина в клетчатой рубашке, не утомлял разговором, и Юля задумалась о том, о чем собиралась подумать позднее. Но думать придется – рано или поздно. Ей предстояло пройти самое неприятное в жизни – похороны единственного оставшегося в живых близкого человека, и она не представляла, как выдержит эту процедуру, но знала, что выдержит. Человек жив, пока о нем помнят. Значит, ее дед навсегда останется живым в ее памяти. Такие мысли приносили хоть и небольшое, но облегчение. Завтра нужно выбрать ритуальное агентство, которое сделает все быстро и качественно, освободив ее по возможности от всего. Ведь каждый шаг в организации такого мероприятия давался с трудом. Но ничего, все будет достойно, дедушка это заслужил. В своих скорбных мыслях она не заметила, как машина подъехала к даче. Сергей ждал ее у калитки, поникший, бледный. Бросившись к автомобилю, он помог ей выйти и обнял:

– Мои ребята уже сделали все, что от них требовалось, и уехали. Как ты?

– Это самый неуместный вопрос, который ты задал в своей жизни, – буркнула Юля. – Как я могу себя чувствовать, потеряв последнего оставшегося в живых близкого человека? Кажется, от меня оторвали кусочек, который ничем не заменишь.

– И тем не менее ты должна собраться и помочь найти преступника, – твердо сказал Сергей. – Это не только в моих интересах, но и в твоих тоже.

Юля так закусила губу, что крошечная рубиновая капелька окрасила ее в красный цвет.

– Да, я должна помочь, – заявила она. – И я помогу, но, черт возьми, как? Я ничего не поняла из того, что сказал дедушка перед смертью.

Молодой человек, продолжая обнимать любимую, словно боясь отпустить ее от себя, ласково проговорил:

– Просто вспомни еще раз его слова. Пойдем в дом, сядем, выпьем чаю, ведь у тебя с утра маковой росинки во рту не было. Сегодня такой день... Пасха... Для этого гада – убийцы – нет ничего святого. Страшный грех на душу взял. Мы найдем его, вот увидишь.

Юля послушно прошла в комнату, боясь увидеть следы преступления, однако все уже было убрано, лишь кое-какие бумаги, которые Сергей не успел собрать, сиротливо белели в углах.

– Садись. – Она опустилась на стул, своим жалобным скрипом будто выразивший сожаление об умершем хозяине, и полицейский придвинул ей чашку с дымящимся чаем: – Пей и ешь.

Девушка сделала глоток и заставила себя откусить от ароматного кулича.

– Не могу. – Она отставила угощение. – Прошу тебя, не заставляй меня есть после всего, что я сегодня увидела. Давай лучше вернемся к разговору с дедом. Значит, ты думаешь, преступник ничего не нашел?

– Думаю, нет, я уже высказывал свое мнение. – Он наморщил гладкий лоб, и Юле, как всегда, захотелось разгладить каждую складочку. – Милая моя, – Сергей погладил ее дрожавшую руку, – поразмысли, где дедушка мог сделать тайник? Но это должен быть необычный тайник. Его не обнаружил отморозок, не верящий ни в бога, ни в черта. Ну, любимая, давай, давай!

Юля закрыла лицо руками, вспоминая каждое мгновение, проведенное на даче вдвоем с дедом, каждое слово, сказанное им. Может, в каком-то из них содержался намек на тайник? Да нет, вряд ли... Ничего такого не было.

– Он никогда не говорил мне о тайнике, – сказала она уверенно. – И никогда не намекал. И это понятно. Дед не собирался умирать.

Сергей покачал головой:

- И все же что-то было, не могло не быть.

Самойлова не отвечала.

- Давай-ка сами все осмотрим, - предложил Сергей.

- Разве грабитель оставил нам хотя бы один шанс? - удивилась Юля. - Все перерыл, ирод. Искать нечего, Сережа. Раз он не нашел, то и мы не найдем.

- И все же попробуем. - Капитан потянул ее за локоть. - В этой комнате все перерыто и погреба нет. Искать бесполезно. В соседней - тоже. А вот в кухоньке погреб имеется. Давай с него и начнем.

Они прошли в кухоньку, именно не кухню, а кухоньку, маленькую, аккуратненькую, словно кукольную, с вымытыми до блеска оконцами с голубыми наличниками, занавесками с огромными красными маками и в тон им чашечками и тарелками с золотистой каемкой и цветами. Юля помнила каждую щербинку на посуде, каждую трещинку, знала, что сервизу уже много лет и что когда-то дед с бабушкой покупали его в ГУМе в Москве. После бабушкиной смерти Матвей Петрович с какой-то болезненной бережливостью относился к посуде, боялся, что кто-то разобьет чашку или тарелку и лишит его памяти о покойной жене. Проходя мимо полки, Самойлова любовно дотронулась до одной из кружек и взглянула на открытую крышку погреба.

- Здесь тоже побывали, Сережа.

- Да знаю я, что здесь побывали. - Он с досадой махнул рукой. - Подойди ближе и посмотри, все ли на месте или чего-то не хватает.

Девушка покорно подошла к зияющему, как беззубый рот, отверстию в полу и заглянула вниз. Банки с соленьями и вареньями беспорядочно валялись на полу, некоторые разбились, и содержимое перемешалось, образуя лужи причудливых цветов.

– Жаль варенье, и маринованные овощи и грибы жаль, – вздохнула Юля. – Ты знаешь, как дед консервировал... Не каждая женщина... – Она вдруг запнулась и потерла пальцами виски. – Вон та банка, которая валяется возле табуретки, видишь? Пол-литровая, с коричневым содержимым... Правда, отсюда плохо видно, но я знаю, что это она. Сколько я себя помню, она всегда стояла в погребе. Когда я просила деда открыть ее, он отнекивался: мол, это готовила бабушка, и ему хотелось бы оставить в память о ней. Варенье давно засахарилось, да так, что, наверное, его и ложкой не пробить. А дедуля все его берег...

Сергей с любопытством наблюдал за девушкой. Как всегда в минуты задумчивости, Юля хорошела, в светлых глазах появлялся блеск, щеки розовели... Ему захотелось приласкать ее, прижать к сердцу, но он понимал, что это несвоевременно.

– Давай спустимся вниз, – предложил он.

– Давай.

Они спустились в погреб по скрипучей лестнице, и Самойлова взяла в руки испачканную вареньем банку.

– Да, та самая. – Она повертела ее перед носом. – Знаешь, о чем я сейчас подумала? Николай Второй пытался спрятать драгоценности с банках с оливковым маслом. По мнению пожилых людей, обычные стеклянные банки намного надежнее банков как финансовых учреждений. Вот я и подумала... Иначе зачем ему хранить варенье столько лет?

Сергей пощипал себя за кончик носа, что делал в минуты крайнего волнения. От этой привычки его никто не мог отучить.

– А ведь верно... – Его красивое лицо просветлело. – Давай-ка выйдем на свет божий и посмотрим.

– Давай, мне кажется, что я задыхаюсь от спертых воздуха, – прошептала Юля и вдруг сама прижалась к Сергею. – Сережа, мне страшно.

Плотников взял ее разгоряченное лицо в свои прохладные руки и осторожно поцеловал в раскрытые губы, потом бережно, словно она была фарфоровой, повел девушку к дряхлой лестнице со скрипучими ступенями, по которой дед много раз в день спускался в погреб за вареньями и соленьями. Оказавшись в кухне, полицейский деловито осведомился:

– Есть у него ключ для открывания консервных банок?

– Открывашка? – поинтересовалась Юля. – В ящике кухонного стола.

Порывшись среди ложек и вилок, молодой человек отыскал старую открывашку с чуть заметной ржавчиной на железе.

– Похоже, ею давно никто не пользовался, – удивился он. – Как же справлялся Матвей Петрович?

Юля пожала плечами:

– Открывай.

– Какая ты прыткая! – усмехнулся Сергей. – Еще недавно была готова упасть в обморок, а теперь, как говорят, живее всех живых.

– Мне, как и тебе, не терпится узнать, что это за таинственная черная графиня, в могилу которой мы должны положить какие-то ценности, – пояснила Юля. – Ну, орудуй.

Плотников ловким движением открыл крышку, которая от старости почти отвалилась вместе с кусочками стекла. Варенье неопределенного цвета (какой фрукт лег в его основу, тоже было не разобрать) действительно засахарилось. Оно было таким твердым, что отколупнуть от него кусочек можно было, только приложив усилия. Отчаявшись раскопать содержимое ложкой, Плотников отыскал в ящике большой острый нож, наверное, для резки мяса, и погрузил его лезвие в твердую массу. Ему удалось вытащить варенье из банки, разрубить его на куски и извлечь два свертка в оберточной промасленной бумаге. Юля затаив дыхание следила за длинными пальцами любимого, осторожно раскрывавшими тайники. Содержимое их удивило. В одном свертке оказался обрезок старой

новогодней открытки годов этак пятидесятых (они почему-то так подумали, что открытка новогодняя и пятидесятых годов: на ней было изображено улыбающееся личико снеговика с традиционным носом-морковкой и детским ведерком вместо шляпы). Второй сверток порадовал их меньше. Вероятно, в щель в промасленной бумаге просочился сироп, который за многие годы съел чернила, и влюбленные не смогли прочитать, что было там когда-то написано.

– Да, возможно, в этом письме и хранился секрет всего, – высказал предположение Сергей, потирая нос. – Только нам прочитать это не под силу. Придется отдавать на экспертизу. Если наша техника потянет, скоро мы будем знать, что хотел сказать дедушка.

– Ты можешь поехать сейчас? – жалобно спросила Юля. – Только, любимый, довези меня до какой-нибудь ритуальной конторы. Я хочу, чтобы дедушку похоронили достойно. Он не жалел на меня сил и денег, и я не пожалею для него ничего, хотя, наверное, сейчас это звучит по меньшей мере глупо.

– Я слышал, лучшая в нашем городе – «Скорь», – отозвался Плотников и взял со стола борсетку. – Пойдем, дорогая.

Они вышли в теплый апрельский день. Удары колокола, доносившиеся из деревянной церквушки, не казались Юле торжественными. Сегодня, несмотря на светлый праздник, они били траурно, будто исполняли реквием по ее умершему деду.

– Сережа, ты ведь найдешь их? – Она прислонилась к его плечу, пока он заводил и прогревал машину. – Ну, этих отморожков.

– Это мой долг, любимая, – пообещал он, и автомобиль медленно поехал по проселочной дороге.

По дороге до агентства молодые люди молчали, и лишь высадив девушку, Сергей пожелал ей быть мужественной.

– Тебе понадобятся силы, чтобы помочь мне отыскать убийц, – напутствовал он любимую.

Она молча кивнула.

– Я тебе позвоню, когда что-нибудь выясню, – пообещал Плотников, затем еще раз коснулся бледной щеки девушки и сел в автомобиль, с грустью провожая глазами Юлю, поднимающуюся по ступенькам в ритуальное агентство. И только когда стеклянная дверь за ней закрылась, он включил зажигание.

Глава 3

Париж, 1785

Гильом, прекрасно знавший Париж, не зря отметил убогость улицы Сен-Клод, где обитала Жанна де Ла Мотт. Кутаясь в теплое пальто, он остановился у почерневшего от старости и сырости дома, стряхнул снег с сапог и вошел в темный подъезд. Квартира графини находилась на втором этаже, и слуга, побряхтывая и считая вслух, принялся подниматься по крутым, довольно ветхим ступеням:

– Раз, два, три... Черт, да сколько их тут!

Преодолев ровно одиннадцать, Гильом замер возле черной исцарапанной двери и постучал. На его удивление, она сразу отворилась, и слуга нос к носу столкнулся с пожилой особой, облаченной в старый, линялый капор.

– Что вам угодно, сударь? – спросила она строго. Гильом галантно поклонился, хотя ни минуты не сомневался, что перед ним не та, к кому его послал Калиостро. Скорее всего, эта пожилая особа – такая же служанка, как и он, но довольно противная.

– Мне нужна графиня де Ла Мотт.

– Зачем? – Красный нос женщины задергался от любопытства.

– У меня к ней поручение от очень важного человека, – ответил слуга уклончиво. – И говорить я буду только с ней.

Старая гримза не торопилась впускать непрошеного гостя, видимо, собираясь еще что-то спросить, но приятный голос, принадлежавший явно молодой женщине, вклинился в их пустую беседу:

– Кто там, Клотильда?

Старуха зашмыгала носом – тонким, длинным, в мелких морщинах.

– Он утверждает, что у него поручение.

– Впусти его.

Служанка немного поколебалась, всем своим видом демонстрируя, что от ее решения тоже что-то зависит, и пропустила Гильома:

– Ладно уж, идите.

Мужчина оказался в маленьком коридоре, в котором полностью отсутствовала мебель, и с удивлением заметил, что в квартире почти так же холодно, как на улице. Он решил не снимать пальто, тем более вешалка, подпиравшая стенку и кренившаяся набок, была пуста. Вероятно, обитатели холодной квартиры надели на себя все, что имелось в гардеробе.

– Сюда. – Пожилая особа отворила дверь в комнату, и Гильом предстал перед сидевшей на софе молодой черноволосой женщиной с тонкими, аристократичными чертами лица.

Она казалась довольно милостивой и приятной, но была одета столь же легко и бедно, как служанка. Ее наряд состоял из простого красного платья и черной шали, накинутой поверх. Парик дама не носила, и черная прядь волос оттеняла высокий мраморный лоб; тонкие губы слегка посинели, маленькие руки тербели дырявую муфту. Верный раб Калиостро поразился, как столь слабое создание выносит такой холод. Казалось, что какой-то знатный мужчина с темной бородой и узким лицом, строго смотревший с портрета, висящего на

серой, с подтеками стене, тоже подергивался, пытаюсь согреться. Гильом с удивлением узнал в нем Генриха Валуа, короля французского и польского. Он-то что делает в убогой квартирке?

– Я графиня де Ла Мотт, – представилась женщина и улыбнулась, продемонстрировав прекрасные ровные зубы. – Вы удивляетесь, почему я сижу в холоде? – Она словно читала его мысли. – А что делать, если денег на дрова не осталось? Правда, может быть, тот господин, которого вы представляете, подбросит мне немного? Он послал вас, получив мои письма, не правда ли?

– Мне только известно, что мой господин, граф Калиостро, желает завтра видеть вас на своем спиритическом сеансе, – мягко ответил Гильом.

Тонкие черные брови графини поползли вверх, как две змейки.

– Граф Калиостро? Это тем более удивительно, что я ему не писала. Маг и чародей никак не может выхлопотать мне достойную пенсию. Чего же он хочет?

Слуга «мага и чародея» повторил так же мягко:

– Чтобы вы были завтра на сеансе.

Графиня сжимала и разжимала маленький белый кулачок, вероятно, пытаюсь хотя бы таким образом размять застывшие пальцы.

– Но, насколько я знаю, в его салоне собирается изысканное общество. Бедной женщине – такой, как я, – нечего там делать. – Она обвела взглядом комнату, в которой, кроме софы, накрытой выцветшим шелковым покрывалом неопределенного цвета, двух стульев с прохудившимися сиденьями, бесстыдно обнажавшими пружины, камина, который давно уже никто не топил, и маленького столика, ничего не было. – Кроме всего прочего, у меня всего два платья. Одно на мне сейчас. Видите, какое оно поношенное? Мне не стыдно выйти в нем к благотворительницам, чтобы продемонстрировать нищету, в которой я живу. Но явиться в нем в общество... Извините, но я вынуждена отклонить приглашение. – Жанна де Ла Мотт чуть приподняла подол платья, продемонстрировав Гильому стоптанные туфли. – А что вы скажете на это? Тем не менее это моя единственная обувь.

Мужчина застыл в раздумье. Разумеется, эта женщина наденет вуаль, но жалкая маскировка ее не спасет. За столом графа она станет всеобщим посмешищем, и острячки, подобные маркизе де Шалье, обязательно пустят в незнакомку парочку шпилек. Такие уж это создания – женщины. Они кричат на всех поворотах о своем щедром сердце, о добрых делах, но никогда не упустят случая унижить (причем с самым невинным видом) подобное им существо, в то время как мужчины, настоящие мужчины... Он запустил руку в карман и достал несколько монет.

– Думаю, здесь хватит на платье. – Гильом положил деньги на столик с изрядно потертой полировкой. – Конечно, оно не будет столь дорого и изысканно, как наряды некоторых из присутствующих дам, но, во всяком случае, будет новым и без заплат. Не знаю, хватит ли на башмаки... Впрочем, в комнате, где будет проходить сеанс, всегда очень темно. Кроме того, вы уйдете раньше.

Женщина лукаво улыбнулась:

– То есть вы намекаете, что к столу я не приглашена.

– Честно говоря, сударыня, я понятия не имею, что собирается делать граф после сеанса, – признался Гильом. – Иногда он так устает, что сразу удаляется к себе в спальню.

Графиня развела руками:

– Видите, до чего довела меня бедность... Приходится брать деньги у слуги. Однако помните: я беру их только потому, что ваш господин приказал вам передать его просьбу. Если я не приду на сеанс, вас сделают виноватым, а этого я не могу допустить.

Она мило улыбнулась, и Гильом ответил ей столь же милой улыбкой:

– К сожалению, вы правы, сударыня.

– Я всегда права. – Жанна поднялась, продемонстрировав царственную осанку. – Клотильда вас проводит. Передайте графу, что я обязательно буду.

Слуга поклонился и вышел в коридор, почти не скрывая радости. Обстановка этой убогой квартиры действовала угнетающе. От всего облика графини веяло какой-то тайной, однако Гильом не привык задумываться над непонятными вещами. С таким человеком, как его хозяин, непонятные вещи окружают всю жизнь. Разгадывать загадки – дело магов и чародеев, каковым и является Калиостро. Что касается его, Гильома, то он просто скромный слуга, никогда не совавший нос в дела графа. Если эта женщина нужна Калиостро, он ее получит.

Когда незнакомец ушел, сопровождаемый неодобрительным ворчанием Клотильды, Жанна с легкостью вскочила с софы и подбежала к заиндевавшему окну. Она видела, как мужчина, бросив быстрый взгляд на дом, поспешил по улице, кутаясь в пальто. Его визит ни о чем ей не сказал. Разумеется, как и все в Париже, она слышала про графа Калиостро, но никогда не ходила на его сеансы, которые он устраивал для парижской знати. Интересно, зачем она ему понадобилась? Может быть, кто-то из тех знатных особ, которые иногда посещали ее убогую квартирку и обещали выхлопотать ей достойную пенсию, упомянул о ней? Но это все равно не объясняло желания графа видеть Жанну у себя. Наморщив лоб, молодая женщина придумывала всевозможные причины и, так ничего и не придумав, вернулась на софу.

– Клотильда! – позвала она служанку.

– Слушаю, госпожа.

– Я подожду еще пару часов и больше никого не приму, – сообщила ей свое решение Жанна. – В квартире очень холодно, и нам следовало бы затопить камин. Мы сегодня достаточно заработали, чтобы позволить себе такую роскошь. – Она достала из муфты крошечный ключик и что-то ковырнула на поверхности столика. Потертая поверхность раздвинулась, обнажив нишу, и графиня вынула кошелек.

– Держи. – Жанна протянула Клотильде сто ливров. – Купи дрова, какой-нибудь еды и приличное, но скромное платье. Завтра я выхожу в свет.

Клотильда бросила плотоядный взгляд на кошелек.

– Госпожа, зачем же экономить на платье? Если вы решили наконец показаться в свете, нужно покупать лучшее.

Де Ла Мотт нахмурилась, поражаясь тупости служанки.

– О том, сколько у нас денег на сегодняшний день, знаем только ты и я, – раздраженно проговорила она. – За кредитом к банкирам принято ездить в шикарном собственном экипаже. А женщине благородного происхождения, если она хочет вернуть имения и титул, проще давить на милосердие знатных господ.

– Дешево стоит это милосердие, – прошамкала старуха, но спорить не стала. – Сию минуту выполняю ваши приказания.

– Будь любезна.

Наконец дверь за верной служанкой закрылась.

* * *

Слуга Калиостро, увидев на стене портрет Генриха II, не стал долго думать и не поинтересовался (впрочем, проявлять интерес не позволял его ранг), что делает в квартире графини бывший король Франции. Но если бы он вдруг узнал правду, то был бы очень удивлен. Опальному королю молодая женщина приходилась самой настоящей внучкой. Да-да, в ее жилах текла королевская кровь, и графиня де Ла Мотт давно уже собиралась вернуть все, что принадлежало ей по праву. Хотя, наверное, сделать это было нелегко. Современный королевский двор ненавидел Валуа и не желал вспоминать о некогда всемогущем роде. Вот почему ни король, ни королева никогда не откликнулись на ее прошения. Возможно, они казались им смешными: родственники Валуа давным-давно пошли по миру.

Отец Жанны проживал в ветхом деревянном домике в одной из деревень под Парижем. Хоть он и являлся незаконнорожденным, он всегда помнил, к какому знатному роду принадлежит. Однако он никогда не помышлял вдруг оказаться при дворе, предпочитая голодать. Крошечная пенсия от королевской семьи и скудный урожай с участка земли позволяли ему не протянуть ноги. Сварливая жена, мать Жанны, в прошлом служившая привратницей, никогда не любила мужа. Соблазненная его рассказом о великих предках, женщина заставила супруга переехать в столицу, и там, в бедном парижском квартале, у них родилась дочь. Отец был для девочки единственным на всем белом свете

близким существом в отличие от матери, которая то и дело сетовала на свою глупость – неудачное замужество – и глупость мужа, не умевшего прокормить семью. Голод и постоянные переживания добились несчастного, и он умер от воспаления легких. Жанне показалось, что мать даже обрадовалась. Она сразу выгнала дочь из нищей квартиры, и девочке пришлось просить милостыню.

Жанна сказала себе: сидеть на паперти или назойливо приставать к хорошо одетым прохожим, хватая их за одежду вместе с другими претендующими на такой же заработок калеками и убогими, от которых всегда пахло нечистотами, она не будет. Пусть сейчас она ничем не лучше их, такая же нищенка, но в ее жилах течет королевская кровь, и люди, подающие ей, должны знать об этом. Девочка по возможности старалась выглядеть опрятной и робко обращалась к проходившим по улице дамам:

– Подайте потомку королевского рода Валуа.

Прохожие вели себя по-разному. Некоторые откровенно смеялись ей в лицо, обзывали, гнали, и ей приходилось удаляться в подворотни под аккомпанемент веселого улюлюканья уличных мальчишек, сразу прозвавших ее «ваше нищее величество». В такие минуты ей хотелось броситься в мутные воды Сены, чтобы никогда больше не испытывать чувство стыда и унижения. Но, к счастью, насмешников было немного. Часто растроганные дворянки охотно платили девочке, и Жанна, с восторгом глядевшая на меха и золото, понимала: на их месте могла быть она. А раз могла, то должна оказаться, чего бы ей это ни стоило. Но как простой нищенке, даже королевской крови, стать с ними вровень? Ее маленький хитрый мозг работал денно и нощно. Маленькая бродяжка говорила себе, что ее день еще наступит, нужно только подождать.

Однажды холодной зимой, прислонившись к стене какого-то дома и пытаясь согреться в дырявой накидке, которая настолько прохудилась, что начала расползаться, Жанна увидела богатый экипаж. Кучер остановил лошадей у внушительного особняка и помог выйти из кареты шикарно одетой женщине.

– Узнайте, дома ли господин Буленвилье, – властно приказала дама, – и доложите ему о моем приходе.

В другой момент девочка ни за что не подбежала бы к обладательнице такого властного голоса, но сегодня выбирать не приходилось. Либо она замерзнет

здесь, на пустынной заледенелой улице, либо отогреется в таверне и продолжит мытарства дальше. Оторвавшись от стены, Жанна рванулась к незнакомке и вцепилась в ее шубу:

- Сударыня, прошу вас, подайте мне, иначе я замерзну или умру с голоду.

Женщина, оказавшаяся довольно молодой и привлекательной, удивленно взглянула на нищенку, так неожиданно появившуюся у нее на пути.

- Жак, подайте девочке монетку, - приказала она кучеру и сделала несколько шагов к дому, но вдруг остановилась, словно передумав, и повернулась к оборванке:

- Сколько тебе лет?

- Тринадцать, - покорно ответила Жанна.

- Ты сирота? Твои родители умерли?

- Мой отец умер. - Нищенка наклонила голову. - Он был королевской крови, из рода Валуа. А мать выгнала меня из дома, и вот уже год, как я о ней ничего не знаю.

Женщина сжала губы:

- Бедняжка! Пойдем со мной.

Она обняла девочку и повела в свой дом.

- Ты действительно родственница Франциска I?

Жанна смиренно наклонила головку:

- Да, сударыня.

Они поднимались по мраморной лестнице к тяжелой деревянной двери с ручкой, инкрустированной золотом, и девочке казалось, что сейчас начинается ее восхождение в рай.

– Как тебя зовут, дорогая? – поинтересовалась добрая волшебница. Именно такой она представлялась сейчас маленькой нищенке.

– Жанна де Сен-Реми Валуа, – покорно ответила девочка. – Мой отец пытался вернуть титул, но его старания не увенчались успехом, и он звался просто Сен-Реми.

Лакей в напудренном парике и голубом шелковом камзоле открыл перед ними дверь, и Жанна оказалась в такой огромной прихожей, какой не видела за всю свою короткую жизнь. Блестящие мраморные лестницы вели наверх. Высокие готические окна скрывались под малиновыми бархатными занавесками. Стены украшала причудливая лепка с позолотой. С потолка свешивались хрустальные люстры. Их висюльки блестели, как алмазы, привлекая пламя свечей.

– Жак, отведите эту бедняжку на кухню и накормите ее, – распорядилась дама, снимая с головы платок. – Потом попросите Адриану, чтобы она подобрала ей что-нибудь из одежды. – Она бросила взгляд на чумазные щечки девочки. – Да, и нагрейте воды. Она не мылась, наверное, несколько лет.

– Неправда, сударыня, – осмелилась возразить Жанна. – В теплые дни я всегда купалась в Сене. Отец учил меня следить за собой, ведь мы королевских кровей.

– Что ж, очень приятно слышать, что ты такая чистюля, – улыбнулась женщина. – И я не забыла о твоей родословной. Кстати, я тоже происхожу из знатного рода. Ты в доме маркизы де Буленвилье.

– О сударыня! – Жанна сделала реверанс, и маркиза, смеясь, подтолкнула ее:

– Ну, иди же. Жак устал тебя ждать.

Лакей в голубом камзоле увел девочку на кухню, которая произвела на нищенку не менее сильное впечатление, чем прихожая. Столько утвари и приспособлений для готовки она еще не видела. Ее мать довольствовалась одной закопченной

кастрюлей, в которой варила неизменный луковый суп, и одной сковородой. Жак с удивлением наблюдал за странным хозяйским приобретением, рассматривавшим каждую поварешку, каждый прибор.

– Вижу, тебе не хочется есть, – насмешливо проговорил он, и Жанна оторвалась от созерцания роскоши:

– Простите. Каждая вещь в этом доме для меня в диковинку. Если бы вы знали, как жили мои родители...

Жак потер широкий, испещренный красными прожилками нос.

– Садись сюда. Это стол для прислуги.

Он вышел из кухни и через несколько минут вернулся с женщиной средних лет в белом чепчике и фартуке.

– Это Адриана, горничная. Адриана, госпожа приказала накормить эту девочку, вымыть ее и приодеть.

Большие голубые глаза горничной расширились от удивления, на гладком лбу собрались морщины, однако она ничего не сказала, лишь поставила перед Жанной большую глубокую тарелку и плеснула горячего супа. От него исходил такой запах, что девочку замутило. Она давно не ела ничего, кроме хлеба и лука. Схватив ложку, не деревянную и искусанную, как в ее доме, а оловянную, с инкрустированной ручкой, Жанна с жадностью принялась за кушанье. Адриана присела рядом и погладила ее по голове.

– Откуда ты появилась, прелестное создание?

– С улицы, – пояснила нищенка и, подавившись, закашлялась.

Горничная постучала ее по спине.

– Не торопись. Эту порцию у тебя никто не отнимет. Кроме того, тебя ждет кусок вкусного жареного мяса. Надеюсь, ты от него не откажешься?

Ловким движением она сняла со сковороды кусок мяса, полила его каким-то необыкновенно ароматным темным соусом и придвинула девочке.

- Правда, выглядит аппетитно?

Жанна что-то промычала, не в силах отвечать с набитым ртом.

Горничная лукаво подмигнула ей:

- Пойду нагрею воду и подыщу тебе что-нибудь из одежды.

Адриана удалилась, оставив нищенку совершенно одну, и маленькая Валуа принялась за второе. Блюда, которыми угощали ее в этом доме, казались созданными самим Богом. Белый нежный хлеб ничуть не напоминал расплывшиеся куски серого цвета из дешевой муки – постоянную пищу в ее бедной семье. Суп с шампиньонами зарумянил ее щеки и заставил кровь сильнее биться в жилах. Ну а мясо... Когда-то Жанна могла о нем только мечтать. В их семье никогда не было денег, чтобы купить хотя бы маленький кусочек. Неужели она в раю? Взяв в тонкие, изящные пальцы обгрызенную корочку хлеба, Жанна тщательно вычистила ею тарелку и отправила в рот. В этот момент в кухню вошел полный господин с выпуклыми серыми глазами и длинным горбатым носом. Следом за ним показалась маркиза Буленвилье.

- Это ваше приобретение? – Мужчина оглядел Жанну с ног до головы и, видимо, остался недоволен. – Эта жалкая нищенка – ваше приобретение? Дорогая, у вас достаточно денег, чтобы купить дорогого коня. На нем, по крайней мере, можно скакать по Булонскому лесу и выезжать на королевскую охоту. Но зачем вам этот заморыш?

- Эта девочка королевской крови, – пояснила женщина. – Она Валуа.

- То есть она вам так сказала. – Господин еще раз пробежался глазами по худенькой фигурке девочки. – Я не верю ни единому слову! Париж кишит нищими отпрысками знатных семейств, и кому-кому, а вам это должно быть известно. В общем, она не будет жить в этом доме!

Маркиза гордо вскинула голову:

– Ошибаетесь, сударь! Это мой дом, и я вправе принимать решения. Девочка останется здесь.

На удивление Жанны, с ужасом слушавшей их разговор и ожидавшей изгнания из рая, господин как-то съежился, словно сдулся, и проговорил уже более миролюбиво:

– Ладно, дорогая, в принципе я не имею ничего против. Но с детьми столько возни. Мы же не будем нанимать ей няню?

– Она достаточно взрослая, – возразила маркиза и потянула его за собой, уступая дорогу Адриане, возникшей на пороге с ворохом белья. – Пойдем поговорим в гостиной.

Радость и восхищение Жанны убавились почти вполовину. С присущей ей проницательностью она поняла, что господин де Буленвилье ее враг и ничто никогда не сделает их друзьями. Разумеется, маркиз выгнал бы ее немедленно и сделает это при любом удобном случае. Нужно быть крайне осторожной и снискать расположение маркизы. Тогда райская жизнь для нее никогда не кончится. И маленькая нищенка, выработав хитроумный план действий, приступила к его осуществлению. Она беспрекословно исполняла все поручения маркизы, восхищалась ее красотой, льстила ее женским достоинствам и действительно добилась любви и расположения богатой покровительницы.

– Мы вернем тебе титулы и имения, – обещала госпожа. – Только соберем необходимые документы и докажем твое происхождение. При моих связях сделать это будет нетрудно.

Умиротворенная Жанна спокойно засыпала в мягкой, душистой постели и видела сказочные сны. С каждым днем ей казалось, что ее положение становится все более и более прочным. Однако бедняжка ошибалась.

Маркиз, карточные долги которого оплачивала жена, не желал иметь конкурентку в своем мирке и тоже напрягал мозг, думая, как избавиться от этой самозванки. И ему это удалось. Он стал оказывать девочке такие знаки внимания, какие оказывают либо своей возлюбленной, либо женщине, которую намереваются сделать таковой, и доброе сердце де Буленвилье не выдержало. Напрасно несчастная Жанна уверяла, что это происки ее давнего

недоброжелателя. Маркиза верила и не верила и под конец решила отдать девочку в монастырь и следить за ее судьбой.

Монахини с не улыбочивыми лицами рьяно взялись за ее воспитание, и это ей не понравилось. С богатыми отпрысками знатных семейств она тоже не нашла общий язык. Над ней смеялись, обзывая лгуницей, делали из веток корону и пытались надеть ей на голову. Девочка постоянно убегала в дальние аллеи старинного, густого, изобилующего заброшенными уголками монастырского парка и там, в тишине, под журчание ручья, окаймленного замшелыми камнями, давала волю слезам. Она чувствовала себя птицей в клетке, но не в золотой, где ей так хотелось оказаться, а в старой и ржавой. Жаловаться на свое положение было некому. Госпожа де Буленвилье регулярно навещала воспитанницу, но оставалась глухой к ее жалобам и просьбам, и Жанна понимала ее. Маркизе не хотелось скандала. В светском обществе любят мусолить разные скабрёзности, и де Буленвилье всеми силами пыталась оградить себя и своего мужа от порочащих разговоров.

Шло время. Три года пролетели как один. Девушка нашла спасение в том, что, однажды обнаружив лаз в каменной стене под густым темно-зеленым с мраморными прожилками плющом, каждый вечер вырывалась на свободу. Она бродила по улицам, останавливаясь у витрин ювелирных магазинов, где изделия известных мастеров были выставлены напоказ во всей своей красе. Бедняжка жадно смотрела на драгоценности, представляя себя в них. Сапфиры ассоциировались у нее с голубизной моря, которое она ни разу не видела, изумруды – с сочной зеленой травой, ну а бриллианты, игравшие при свете фонарей всеми цветами радуги... Бриллианты заставляли ее затаить дыхание и позавидовать счастливым обладательницам камней. В их числе должна быть и она, урожденная Валуа. Но как добиться этого сказочного богатства? Жизнь предоставила ей такую возможность, но тут же дала обратный ход. Что же делать? Оставаться в этом ужасном монастыре, среди хмурых монахинь и чванливых девочек в серых платьях с белыми воротниками? Нет, нет и еще раз нет! Нужно что-то придумать. Но дни бежали, и ничего не придумывалось. Зато удары судьбы продолжали обрушиваться на девушку.

Однажды вместо маркизы к Жанне явился ее муж и сообщил ужасную новость. Любимая госпожа умерла от воспаления легких. Господин де Буленвилье с радостью сообщил, что теперь отпрыск королевской крови свободен от их опеки и может катиться на все четыре стороны. После его ухода Жанна побежала к ручью, где привыкла размышлять о своих проблемах, сидя на стволе дерева, и, к

собственному удивлению, заметила, что не так уж сильно скорбит о доброй маркизе. Что ни говори, а та предала ее. Ну и бог с ней. Придется опять рассчитывать только на себя. Девушка решила уйти из монастыря при первой же удачной возможности, но не сейчас (все-таки монастырь давал ей пропитание и крышу над головой).

В тот вечер Жанна опять отправилась рассматривать золотые витрины и заметила у старого платана молодого военного, который поглядывал на нее с интересом. Красавица потупила глаза и прошла мимо, но молодой человек отправился за ней с явным намерением познакомиться. Он очень галантно представился, назвавшись графом де Ла Мотт, и, предложив свою руку, повел ее гулять по набережной Сены. Девушка вела себя сдержанно, еще не зная, станет ли она продолжать это необычное знакомство. Они договорились встретиться на следующий день, а через неделю мужчина сделал ей предложение. Его пленили ее красота и благородное происхождение. Жанна ответила согласием. Нет, не потому, что молодой граф ей понравился. Он был некрасив, неуклюж, имел чересчур круглые щеки, жидкие волосы и нескладную фигуру. Одним словом, он явно не мог претендовать на роль героя ее романа. Но у него имелся титул – основное его достоинство – и наверняка деньги.

Когда молодые люди поженились и граф привел жену в скромную каморку, она, к своему ужасу, узнала, что у него нет ни гроша – ничего, кроме титула. Конечно, титул давал ей возможность проникнуть в свет, в Версаль, о чем она давно и безнадежно мечтала, но за это следовало платить безграничным терпением и опять, как когда-то в детстве, выносить бедность, холод и есть скудную пищу, уступавшую даже монастырской.

Первый поход в Версаль оказался неудачным. Дамы и их кавалеры почти в открытую смеялись над юной графиней и над ее неуклюжим мужем. Не остался в стороне даже его непосредственный начальник – граф д'Артуа. Там, среди роскоши королевского двора, урожденная Валуа впервые увидела Марию-Антуанетту. Она оказалась вовсе не такой красавицей, как девушка воображала, и была немного похожа на овечку белыми кудрями и выпуклыми голубыми глазами. И королева, и Людовик XVI бросили на Жанну мимолетный взгляд, и графиня де Ла Мотт поклялась, что они еще заплатят за подобное пренебрежение. Больше в Версале она не показывалась, а когда один за другим умерли ее новорожденные дети, сделалась затворницей в своей каморке на мрачной и нищей улочке Сен-Клод, отказавшись следовать за мужем в провинцию.

Граф надеялся, что в скором времени у них все будет по-прежнему и жена вернется к нему. Он писал ободряющие письма, наполненные любовью, высылал скудные суммы денег, звал к себе, но Жанна была непреклонна. Ее место – здесь, ее город – Париж, и она покорит его, это решено. Восстановить титул и вернуть имения сделалось ее навязчивой идеей. Скрюченными от холода пальцами она писала прошения министрам и королю, но не получала ответа. Они купались в славе и роскоши. Какое им дело до несчастной женщины, принадлежащей к ненавистной фамилии Валуа? Они отделались от нее скромной пенсией и теперь ничего не хотели слышать.

Иногда Жанну навещали дамы-благотворительницы. Заходя в ее нетопленную комнату, пропахшие духами аристократки, сверкая перстнями на пальцах, бросали ей гроши, как голодной собаке, и она, задыхаясь от унижения и гнева, вынуждена была принимать жалкие подачки. Ее душа переполнялась презрением и ненавистью. Ничего, настанет день, когда все о ней услышат! Но время шло, а такой день все не наступал. Графиня совсем отчаялась, когда последовало приглашение от Калиостро. Но зачем она ему понадобилась? На его сеансах и так бывает самое изысканное общество. Что он может о ней знать? Сколько ни размышляла, Жанна не могла найти ответы на эти вопросы.

Стукнула входная дверь, и на пороге ее комнаты возникла Клотильда с синим от холода носом и блестящими глазами.

– Все исполнила, госпожа. – Она положила на софу сверток. – Вот ваше платье. Модистка посоветовала взять именно его. Думаю, вам подойдет.

Жанна поднялась с софы, развязала шелковый шнур, перетягивавший сверток, сняла оберточную бумагу и, расправив платье, положила его перед собой. Клотильда и модистка не ошиблись. Ей требовался именно такой наряд – невычурный, недорогой и неброский.

– Спасибо, Клотильда. Это то, что нужно.

Женщина подошла к шифоньерке и открыла дверцу. На верхней полке лежала шляпка с черной вуалью. Жанна решила явиться на сеанс, скрыв лицо. Наверняка там будут дамы, которые навещали ее в жалкой каморке и давали деньги.

– Клотильда, помоги примерить платье, – обратилась она к служанке, ожидавшей приказаний. Старуха тотчас ринулась к графине.

– Да, госпожа.

Через несколько минут молодая женщина, облаченная в черную шляпку с вуалью и малиновое платье с белым воротничком, которое выгодно подчеркивало ее красивую фигуру, с улыбкой смотрела в старое, засиженное мухами зеркало. Она осталась довольна собой и возлагала надежды на этот визит. Кто знает, чего от него можно ожидать?

Дивногорск, 2017

Когда Юля вошла в здание похоронной конторы, ее поприветствовала худенькая девушка модельной внешности. Самойлова подумала, что ей место на подиуме, но никак не среди венков и гробов. Продемонстрировав ослепительную голливудскую улыбку, менеджер Надя (это имя красовалось на бейджике, прикрепленном к белоснежной кофточке) поинтересовалась, чем может помочь. Юле хотелось закричать: «Ничем! Никому не дано воскрешать мертвых!», но она сдержалась и внезапно охрипшим голосом попросила показать самый дорогой гроб и венки. Разумеется, эта просьба понравилась девушке, и она чуть ли не поднесла Самойлову к полированному гробу, правда, робко указав на его цену.

– Для меня это не имеет значения, – буркнула Самойлова. – Оформляйте. И еще венки.

Она, не глядя на цены, стала указывать пальцем на товары: вот этот, с огромными красными гвоздиками, а еще этот, с красивыми розами. Дедушка любил розы. Любезная менеджер забивала цены в договор и, когда все было закончено, выдала Юле квитанцию.

– Оплатить не позднее завтрашнего дня. Вы уже подумали, на какой день назначите похороны?

Девушка наморщила лоб. Ей хотелось оттянуть самую неприятную процедуру, но ее мама и бабушка считали, что чем скорее покойник будет предан земле, тем лучше.

– На послезавтра, – решила она. Служащая кивнула, задала еще несколько вопросов о церкви, в которой будут отпевать Матвея Петровича, если он крещеный (а если нет, тоже ничего, есть Дом траура), о времени церемонии, посоветовала кафе для поминок, уютное, недорогое, но с прекрасной кухней, и они распрощались. Юля вышла из ритуального агентства, пошатываясь, и поплелась к остановке. Конечно, можно было позвонить Сергею, чтобы он подбросил ее до дома (домой, домой, скорее, выпить какоенибудь успокоительное и лечь, забыться сном!), однако не хотелось его беспокоить. Для них обоих было важно как можно скорее найти убийцу и раскрыть тайну деда. Да, как можно скорее... Подошел автобус, к счастью, полупустой, и Юля, войдя в салон, села у окна, заметив, что в этот светлый день ей одной грустно и одиноко. Да, Сергей любит ее и всегда готов быть рядом, но дедушка, ее любимый дедушка – это другое, это частичка детства, того мира, о котором не забывает ни один человек и в который возвращается хотя бы мысленно. Сегодня ушла последняя связь с детством, она уже не внучка и не дочка... Грустно это сознавать.

Из оцепенения ее вывела трель мобильного. Сергей! Когда-то она поставила на его звонок озорную мелодию – песню из кинофильма «Веселые ребята». Плотников посмеялся вместе с ней, но заметил, что предпочел бы классику. Но классика – это банально, а вот песня в исполнении Утесова... Улыбнувшись этим мыслям, девушка поднесла телефон к уху:

– Да?

– Есть новости. – Сергей говорил каким-то загадочным голосом. – Ты уже дома? Я могу приехать?

– Я в автобусе, но уже подъезжаю. – Юля вздохнула. – Ну разумеется, можешь. Будешь ужинать? Я поставлю чайник.

– Буду, – обрадовался он. – Я такой голодный! Представляешь, чтобы узнать кое-что из прошлого твоего деда, пришлось бегать сначала к начальству, потом в архив. Ноги гудят и отваливаются. Но я не жалею. Силы потрачены не зря. Впрочем, сама скоро все узнаешь.

– Жду. – Она едва успела выскочить на остановке. Водитель недовольно поглядел ей вслед.

Глава 4

Париж 1785

Граф Алессандро Калиостро, или Джузеппе Бальзамо – так его звали в действительности, – постоянно устраивал спиритические сеансы для своих гостей. В их число входили только знатные особы. Прибывшая вовремя Жанна узнала среди приглашенных маркизу де Ламбаль и графа де Фабра. Другие тоже показались ей знакомыми. Присутствующие сразу обратили внимание на хорошо сложенную даму, лицо которой скрывала черная вуаль, но ничего не сказали хозяину дома. В этом замке все привыкли к чудесам и постоянно их ожидали.

Вышколенный напудренный Гильом провел всех в темную маленькую комнату с круглым столом и стульями, которых было в два раза больше, чем гостей. Лишь позже Жанна поняла: прибор перед гостем и лишний стул предназначались для духов. Сам Калиостро в темном камзоле, с сосредоточенным лицом появился словно из ниоткуда.

Графиня затрепетала. Его вкрадчивый голос внушал страх. Что задумал этот человек? Для осуществления какого дьявольского плана она ему понадобилась? Алессандро чуть повысил и так пробиравший до костей голос и вдруг... вызвал дух ее деда, Генриха Валуа. По комнате будто пронесся ветер. Пламя свечей затрепетало. Графиня схватилась за сиденье стула, стараясь удержаться и не упасть.

– Великий король французский, ты здесь? – торжественно провозгласил Калиостро. Пламя снова колыхнул порыв ветра. Жанна видела, как дрожат руки у маркизы.

– Он здесь, – раздался шепот графа де Фабра. – Великий король здесь.

Пламя свечей продолжало плясать на лакированной поверхности стола, который начал сотрясаться. Фарфоровые тарелки звякнули.

– Дух великого короля не отказал нам в любезности. – Маг и чародей поклонился невидимому гостю. – Что скажешь нам, великий правитель?

По телу Калиостро прошла судорога. Черты его аристократического лица менялись на глазах. Внезапно граф заговорил другим голосом, заставив Жанну трепетать как осиновый лист.

– Да, я великий король Генрих, и мне пристало говорить только с человеком королевской крови!

Присутствующие стали переглядываться.

– К сожалению, сегодня среди нас нет особ королевской крови, – произнес Калиостро обычным голосом. – Окажи нам любезность и ответь на наши вопросы.

– Здесь есть человек королевской крови! – прогремел Генрих. – Это моя внучка Жанна Валуа, и я буду говорить только с ней.

Гости все как один уставились на незнакомку в черной вуали.

– Дух указывает на вас! – воскликнул Калиостро. – Вы и есть Жанна Валуа.

Графиня хотела что-то сказать, но горло перехватило, в глазах помутилось. Она вскрикнула и упала без чувств на холодные плиты.

* * *

Когда молодая женщина очнулась, она увидела, что лежит на мягкой софе в незнакомой комнате. В окно светила луна, позволяя рассмотреть мужчину, неподвижно сидевшего у нее в ногах. Граф Калиостро не казался удрученным и взволнованным. Его полные щеки покрывал румянец, а в серых глазах блестели искорки. Жанна заметила про себя: «Он выглядит так, словно то, что произошло совсем недавно, было запланировано заранее и чрезвычайно обрадовало великого мага». Это испугало молодую женщину, и она шевельнулась, намереваясь подняться.

– А, графиня, вы пришли в себя... – Калиостро помог ей сесть. – Что ж, тем лучше. Видите ли, мне нужно с вами поговорить, и поскорее.

Жанна тяжело вздохнула. Она чувствовала себя усталой и разбитой. Ей хотелось немедленно уехать отсюда, оказаться дома, в уже натопленной Клотильдой комнате, и улечься в постель.

– Могу ли я ехать? – поинтересовалась она слабым голосом. – Я не в состоянии вести сейчас беседу. Обещаю, позже мы увидимся с вами, и вы еще раз вызовете дух моего деда. – Графиня сжала руки. – Мне так много нужно ему сказать... – Молодая женщина порывисто встала. – Пожалуйста, проводите меня.

Калиостро удержал ее за тонкую талию:

– Сядьте. Я не отпущу вас до тех пор, пока с вами не поговорю.

Она закусила губу:

– Что вам от меня нужно?

– Прежде всего, чтобы вы выслушали меня, – начал Калиостро. – Видите ли, дорогая графиня, вынужден признаться сразу, что никакой дух вашего деда я вызывать не буду, как бы вы ни просили.

– Но почему? – удивилась Жанна. – Это же мой родной дед, и мне хотелось бы...

Граф поднял вверх длинный указательный палец:

– Даже если бы он был вашим любимым отцом, я все равно не сделал бы этого, потому что не смог бы. Возможно, кто-то и умеет приглашать мертвецов к себе на чай, но только не я.

Жанна почувствовала, как кровь прилила к ее лицу.

– То есть вы хотите сказать, что никакого короля Генриха на спиритическом сеансе не было?

Калиостро послал ей самую очаровательную улыбку, на которую был способен.

- Именно так, дражайшая графиня. Не было.

Руки женщины тряслись, алые губы дергались.

- Но этого не может быть! Генрих пришел, и мы все присутствовали при этом. Чем же тогда объяснить дрожание стола, ветер и ваш изменившийся облик?

Алессандро добродушно рассмеялся:

- Изменение моего облика можно смело приписать моим артистическим талантам. Что до всего прочего, за это спасибо Гильому. Под полом комнаты для спиритических сеансов имеется келья со всевозможными приспособлениями. Я обучил Гильома нехитрой технике, и мой слуга вполне справляется с задачей, когда слышит некоторые команды, понятные только нам.

Жанна снова встала. Лицо ее было блее простыни, глаза метали молнии, мраморный лоб прорезала морщина.

- Извините, сударь, но я не имею дела с шарлатанами! Они мне противны. Вам не стыдно обманывать доверчивых людей?

- О, они сами хотят быть обманутыми. - Граф приложил руку к сердцу, как бы клянясь в этом. - И согласитесь, деньги парижане отдают мне добровольно. Я не сколачивал банду местных оборванцев, чтобы чистить их кошельки, как это сделали вы.

Молодая женщина прижала руки к пылающим щекам.

- Если бы вы знали, что такое голод и холод! - воскликнула она. - Только обстоятельства заставили меня пойти на столь постыдное дело. А теперь, сударь, я уйду, и вы не сможете этому помешать.

- Сядьте, - снова повелел он, и Жанна, к своему удивлению, послушалась. Граф так и не сказал, зачем она ему понадобилась. Именно это предстояло выяснить теперь.

– Вам ничего не известно про мою прошлую жизнь, и, если хотите, когда-нибудь я вам о ней расскажу, – строго сказал он, – но явно не сегодня. Сегодня я хочу поговорить о другом и попросить вас принять одно решение. От него будет многое зависеть.

– Зависеть что? – усмехнулась графиня.

– О, дражайшая графиня, не будьте столь нетерпеливы, – усмехнулся Калиостро. – Итак, все по порядку. Я признался вам, что перед вами самый настоящий шарлатан, который во время спиритических сеансов разыгрывает представления. Пока парижане верят, что мне почти две тысячи лет, что я торгую разными целебными эликсирами, а мой знаменитый бальзам способен продлевать жизнь и молодость.

Жанна подняла глаза к потолку.

– Так дурачить людей! – воскликнула она. Мужчина жестом приказал ей замолчать.

– Когда люди хотят, чтобы их одурачили, их обязательно одурачат, – веско произнес он. – Не я, так кто-то другой. Кстати, мои снадобья совершенно безопасны, а некоторые из них даже помогают, скажем, от несварения желудка. Сейчас я в моде, но лет через пять обман вылезет наружу. Никто не застрахован от старости. Как бы я ни следил за собой, какие бы косметические средства ни использовал, я начну стареть. Я могу сколь угодно долго красить волосы краской собственного производства, но не сумею избежать морщин, которые скоро избороздят мое лицо. И тогда доверчивые парижане спросят, почему мне явно более сорока пяти лет. Ведь я заверил их, что запрограммировал себя именно на этот возраст. – Он щелкнул пальцами. – А потом люди увидят, что мой эликсир молодости не помогает. Тогда меня в одночасье объявят мошенником. Разумеется, я сбегу из страны, но слух обо мне пойдет по всему миру. Я превращусь в изгнанника, не имеющего средств, чтобы жить достойно. Надо сказать, такое положение дел меня не устраивает. Покинув Францию, я желаю поселиться в какой-нибудь спокойной стране, скажем, в Швейцарии, возле прозрачного озера, с кошельком, набитым золотыми. Видите ли, вкусив однажды богатой жизни, человек никогда ничего не захочет менять.

– Разумеется, – кивнула графиня. – Но зачем вы все это рассказываете мне?

Калиостро поднял вверх указательный палец. Сапфир на перстне сверкнул в бледном свете луны.

– Минутку терпения, дорогая. С моей личностью все ясно, переходим к вам. Однажды, несколько лет назад, я увидел вас у витрины ювелирного магазина. Вы с жадностью рассматривали драгоценности, и я сказал себе: «Эта женщина пойдет на все ради золота и драгоценных камней». Потом ваш след затерялся, и я был удивлен и обрадован, встретив вас в Версале. В своем старом платье вы вышагивали как принцесса, но общество не приняло вас. Я заметил, каким взглядом вы одарили королеву и ее супруга, и подумал, что вы с легкостью отомстите двору за свои унижения. Потом я наблюдал за вами, когда вы просили аудиенции у министра, надеясь вернуть свои имения и титул. Вот тогда я узнал вашу историю и стал следить за вами. Уверяю, с оборванцами неплохо придумано, но все это очень мелко. Наблюдая за вами, я убедился, что именно такая женщина, как вы, нужна мне для осуществления одного мероприятия. Это рискованно, но у нас все должно получиться. И тогда вы тоже сможете покинуть Францию с шестью сотнями тысяч в кошельке.

Щеки Жанны заалели, грудь вздымалась от волнения.

– О каком мероприятии вы говорите? – поинтересовалась она, стараясь выглядеть как можно более равнодушной, но дрожавший голос выдавал ее.

– Что вы слышали об ожерелье, которое Людовик XV заказал для своей любовницы, госпожи Дюбарри? – спросил Калиостро.

Графиня пожала узкими плечами.

– Наверное, то же, что и все. Знаменитые ювелиры сделали для нее ожерелье, равного которому нет во всем мире. Однако Людовик скоропостижно скончался и не успел выкупить его. Я думала, его внук подарит драгоценность своей жене.

Граф улыбнулся, обнажая ровные белые зубы.

– Между нами, Людовик XVI терпеть не может Марию-Антуанетту. Почему? Откуда мне это знать? Но мне доподлинно известно, что австриячка мечтала завладеть ожерельем и получила решительный отказ. Король заявил, что в

казне нет денег, а изготовившие драгоценность ювелиры Бомер и Боссанж запросили полтора миллиона. Это не такая большая цена, ведь в ожерелье шестьсот двадцать девять бриллиантов чистой воды. Ювелиры собирали камни по всему свету, скупали втридорога, надеясь потом не только отдать кредиты, но и хорошо навариться, но жизнь не дала им такой возможности. Насколько я знаю, они спят и видят, как избавиться от этой драгоценности.

Жанна вздохнула.

– Вы рассказываете мне это для того, чтобы я приобрела ожерелье? – поинтересовалась она. – Уверяю вас, мои оборванцы еще не принесли мне полтора миллиона.

– Ваши оборванцы никогда не принесут вам такую сумму, – заверил ее Калиостро. – Именно поэтому я и упомянул о некоем мероприятии. Согласно моему плану, мы должны завладеть ожерельем, поделить камни и разъехаться в разные стороны. Моя доля, разумеется, будет больше, потому что все придумал я. Но шестьсот тысяч ливров – тоже неплохая сумма. Бриллианты – не бумаги, они не упадут в цене. Кто знает, может быть, в какой-нибудь стране вам удастся выручить за них больше шестисот тысяч.

– Если не меньше, – усмехнулась Жанна. – Камни будут засвечены, их не продашь сразу и дорого. Придется искать надежного покупателя. Может пройти не один год, пока я избавлюсь от них. И все это время мне нужно будет на что-то жить.

– Это я тоже учел, – деловито произнес Калиостро. – Неделю назад я выставил на продажу два своих отеля. Деньги от одного из них я отдам вам. Это будет авансом.

– Если нас поймают, то посадят в тюрьму, – прошептала женщина.

– Мы должны соблюдать осторожность и просчитывать все ходы, только и всего, – ответил Алессандро. – Когда особы, которым в моем мероприятии отведено почетное место, опомнятся, мы будем уже далеко.

Он говорил довольно уверенно, и его уверенность почти передалась Жанне. Кровь забурлила в ее жилах. Неужели ей выпадает шанс стать богатой, пусть

даже таким способом? Если этот человек, которому в течение десятков лет удавалось дурачить сильных мира сего, убежден, что у них все получится, отчего же не попробовать? Зато потом – богатство, свобода, пусть даже и не в этой стране. Однако надо быть предельно осторожной и все хорошо разузнать. Какая роль отводится ей в этом предприятии? Не слишком ли это опасно? Графиня выпрямилась.

– Что я должна делать?

Лицо Калиостро озарила довольная улыбка.

– Вот это другой разговор, дражайшая графиня! Собственно говоря, особо работать вам не придется. Во-первых, вы переедете в один из моих домов, и я окружу вас комфортом. Вы станете моей помощницей на сеансах, и я введу вас в высшее общество и заставлю местных снобов признать родственницу Валуа. Это во-вторых. А потом... Потом начнется самое интересное. Я приглашу кардинала де Рогана на ужин и познакомлю его с вами. Наша задача – убедить принца, что вы одна из лучших подруг королевы, с которой у него подпорчены отношения.

– Отчего же так? – поинтересовалась молодая женщина. Алессандро пожал плечами.

– Ходят разные слухи. Одни утверждают, что в свое время де Роган противился свадьбе Людовика XVI и Марии-Антуанетты и делал все для того, чтобы расстроить их брак. Естественно, королева обиделась и возненавидела его. Уже несколько лет де Роган делает все, чтобы помириться с ней. Видите ли, ему мерещится портфель первого министра. За это он готов продать душу дьяволу. Но без согласия королевы ему не суждено взлететь так высоко. Вот почему мы с вами должны сделать вид, будто страстно желаем ему помочь, и предложить одну вещь.

– О чем конкретно идет речь? – спросила Жанна.

– На сегодняшний день кардинал – один из самых богатых людей во Франции, – пояснил Алессандро. – Поэтому заплатить за ожерелье полтора миллиона, которых нет у короля, для него не представляет труда. Мы предложим ему купить драгоценность для королевы в знак их примирения.

– Рискованно. – Графиня покачала головой. – Может быть, Мария-Антуанетта дуется на де Рогана, но вряд ли не заговорит с ним, когда он к ней обратится. Только представьте себе, как он отреагирует, если увидит на ее лице удивление и услышит, что она никогда не просила его покупать для нее ожерелье.

Граф поднял руку.

– Я это предусмотрел. Вы выступите в роли посредницы между королевой и де Роганом. Кардинал поверит, что дело очень деликатное и что Мария-Антуанетта напрямую не станет обсуждать с ним условия покупки. А затем, когда ожерелье будет приобретено, мы с вами им завладеем.

– Почему вы решили, что де Роган отдаст ожерелье мне для передачи его королеве? – поинтересовалась Жанна. – Эта драгоценность стоит больших денег, и он захочет отдать ее лично в руки.

Мужчина хлопнул в ладоши, и звук гулко прокатился по пустой комнате.

– Разумеется, он захочет это сделать, и мы ему поможем. Он и передаст драгоценность лично королеве. Вернее, он будет думать, что передает ее королеве, а на самом деле преподнесет подарок женщине, поразительно на нее похожей. Она отдаст ожерелье нам, и мы в срочном порядке покинем Францию. Когда кардинал решит выяснить, почему Мария-Антуанетта так и не увенчала свою лилейную шейку его дорогим подарком, мы уже будем далеко.

– Вы так доверяете женщине, похожей на королеву? – удивилась Жанна. Граф наклонил голову.

– Доверяю, и у меня есть на то причины. Если вы хотите еще что-то спросить, я к вашим услугам.

Графиня задумалась, и ее лоб снова избороздили морщины. Само предприятие уже не казалось ей таким опасным. В самом деле, если следовать инструкциям Калиостро, вскоре они будут держать в руках драгоценность, равной которой нет в мире. Она немного расслабилась и откинулась на шелковые подушки. Алессандро, не отрываясь, смотрел на нее, догадываясь, о чем размышляет его будущая поделница. Ставшая гораздо более раскованной поза женщины его порадовала. Жанна попалась на крючок, а лучшего он и не желал.

– Вижу, графиня, мои слова дошли до вашего разума. – Он иронически улыбнулся. – Это не может не обнадеживать. Итак, вы согласны помочь мне? Да что там помочь! Вы согласны стать полноправным участником этого мероприятия и по его завершении получить шестьсот тысяч ливров бриллиантами?

Жанна немного помедлила, но все же кивнула.

– Да. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

– Я всегда знал, что делал, и в результате из бедняка Джузеппе Бальзамо стал графом Алессандро Калиостро, лично общавшимся с царицей Клеопатрой и великим Юлием Цезарем! – отозвался мужчина. – Поверьте, графиня, мир любит рискованных людей и благоволит им. У нас с вами все получится. Дайте мне вашу руку.

Жанна робко протянула ему белую маленькую ручку. Калиостро поцеловал ее и посмотрел в глаза компаньонки.

– Решено. Сейчас отправляйтесь в свою квартирку на Сен-Клод и начинайте собирать вещи. Завтра утром я пришлю за вами экипаж. Свою старую гримзу Клотильду лучше увольте. У вас будут лакеи и служанки, куда более подходящие вашему титулу. Иначе нам никогда не убедить кардинала, что вы подруга королевы.

– Это мне кажется самым сложным, – проговорила графиня. – Кардинал вращается в высшем обществе. У него есть тысячи способов выяснить, в каких я отношениях с Марией-Антуанеттой.

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – отмахнулся Калиостро. – Я уже обещал проложить вам дорогу в Версаль и Трианон, и я, черт возьми, сдержу свое слово! Правда, и вам придется потрудиться, чтобы у кардинала не возникло сомнений. Но как именно вы это будете делать – мы решим. А теперь, моя девочка, поезжайте домой. Я смертельно устал и хочу отдохнуть. Завтра у нас еще будет возможность пообщаться, если в этом возникнет необходимость.

Он взял гостью за руку, помог ей подняться с софы и подтолкнул к двери.

– В коридоре ждет Гильом. Он поможет вам одеться и проводит. Очень надеюсь, что завтра вы не передумаете. – Он приблизил к гостье свое лицо; на кончике тонкого носа блестели капли пота. – Вот вам мой совет. Когда захотите передумать, вспомните, что такой шанс выпадает раз в тысячу лет. Поскольку мои рассказы о преклонном возрасте, бессмертии и вечной молодости всего лишь сказки, можно сделать вывод, что больше такой шанс вам не выпадет.

Покачиваясь от пережитых волнений и усталости, Жанна вышла в темный коридор. Она слегка удивилась, что старый Гильом, как верная собачонка, сидел в кресле возле комнаты и ждал, когда хозяин закончит беседу с госпожой де Ла Мотт. Слуга проводил графиню до входной двери, помог ей надеть дешевую накидку и вывел на улицу. Возле дома Калиостро стоял экипаж, на козлах гордо восседал разодетый кучер.

– Мадам, уже очень поздно, – пояснил Гильом. – Часы в гостиной показывают три утра. В такое время опасно ходить по улицам, особенно в вашем районе. Хозяин распорядился, чтобы вас доставили к дому. Завтра ровно в девять этот же экипаж заберет вас.

Жанна лишь слегка кивнула, чувствуя крайнее утомление. Она забралась в карету, обитую бархатом, прилегла на желтую шелковую подушку и задремала. Ее смог разбудить лишь окрик кучера. Она заставила себя выйти на улицу и на непослушных ногах поднялась на второй этаж. Графиню встретила встревоженная Клотильда, которая уже несколько раз разжигала и тушила камин и мешала жаркое. Впустив госпожу в прихожую, она принялась стаскивать с нее верхнюю одежду.

– Вы, наверное, проголодались? – поинтересовалась служанка, нос которой даже удлинился от предвкушения свежих новостей. – Как прошел вечер?

Графиня де Ла Мотт сжала локоть верной Клотильды.

– Спасибо за заботу, Клотильда, но я не голодна. – От пережитых волнений ей не хотелось ни есть, ни пить. – Завтра для нас с тобой начнется новая жизнь.

Старуха встревоженно заморгала.

– Что вы говорите? Какая жизнь?

Жанна продолжала сжимать ее локоть.

– Я переезжаю в другой дом, милая Клотильда. У меня будет несколько лакеев и другая служанка. Этот дом принадлежит одному господину, который сам выбирает персонал. Нам придется расстаться.

Клотильда зашмыгала длинным носом. Из глаз на морщинистые щеки полились слезы.

– Вы бросаете меня, госпожа! Это бессердечно. Без вас я пропаду, сами знаете.

Жанна это знала. Два года назад она наняла Клотильду потому, что старуха просила за свои услуги дешевле всех в Париже, и не случайно. Она была ленива, жадна и нечистоплотна, плохо готовила, еще хуже следила за домом и за всю жизнь сменила не один десяток, а может, и сотню хозяев.

– Милая Кло, я не оставлю тебя без средств! – горячо пообещала графиня, обнимая старую женщину. – Пойдем со мной.

Она увлекла служанку в комнату и открыла потайной ящик.

– Видишь кошельки? Они твои! Все до одного. Мне они уже не понадобятся. При скромной жизни тебе хватит на долгое время. А потом найдешь меня, и я подброшу тебе еще. Я никогда – слышишь? – никогда не позволю, чтобы ты голодала.

Почувствовав искренность в словах госпожи, старуха смягчилась и успокоилась.

– Ну если вы так говорите... Вероятно, какой-то богатый господин... – Она не закончила фразу, но Жанна поняла ее смысл: Клотильда думала, что ее добрую мадам взял на содержание кто-то из знатных людей.

Графиня покраснела и затрясла головой. Черный локон, вывалившись из прически, упал ей на лоб.

– Нет, дорогая, все не так! Я достаточно горда и достаточно высокородна, чтобы отвергать такие гнусные предложения. Да, богатый господин будет принимать участие в моей судьбе, но он лишь проникся ко мне теплыми чувствами и хочет, чтобы я вернула свои титулы и имения и заняла в обществе подобающее место.

– И он поселит вас в своем доме, – констатировала старуха.

– Да, он вынужден поселить меня в одном из своих домов, о котором никто не знает, – ответила Жанна. – Все будут думать, что он мой. Будучи богатым и знатным, легче вернуть то, что принадлежит тебе по праву. Ну, бери же кошельки, моя добрая Клотильда! Они твои.

Но старуха колебалась. Такое поведение было ей несвойственно. Обычно ее высохшая рука, покрытая синими набухшими жилками, сметала деньги со скоростью урагана, глаза загорались ярким огнем при виде бумажек или золотых червонцев.

– Ну бери же, – нетерпеливо повторила Жанна, поглядывая на часы. – Я своего решения не поменяю.

На ее удивление, служанка покачала головой и провела пятерней по жидким седым волосам.

– Я никогда не привязывалась к господам, а к вам привязалась, как к дочери, которая умерла в младенчестве, – вдруг заговорила она с нежностью. – Я люблю вас, как дочь, чувствую, когда вам хорошо, когда плохо, угадываю ваши желания. Что-то подсказывает мне, что вас хотят втянуть в опасное дело. Милая моя госпожа, откажитесь и оставайтесь со мной в нашей квартире! Разве вам было так уж плохо здесь? Мальчики приносили нам неплохую прибыль.

– Это не может продолжаться вечно, – парировала Жанна. – Когда-нибудь оборванцы попадутся, и тогда они выдадут меня. Они такие неосторожные. – Она погладила старуху по плечу. – Нет, Клотильда, все решено. Если хочешь, оставайся в этой квартире. Я буду регулярно ее оплачивать.

Лицо служанки просветлело.

– Вы действительно не бросите меня на произвол судьбы?

– Разве я тебя когда-нибудь обманывала? – искренне воскликнула графиня, и женщины кинулись друг другу в объятия. Несколько минут они плакали, но Жанна, вспомнив, что сегодня ей предстоят сборы, отстранила верную Клотильду.

– Помоги мне собраться, дорогая.

Старуха кинулась в ее комнату, достала старый дорожный чемодан, порыжевший от времени и сильно обтрепанный, и принялась с не свойственной ей аккуратностью складывать вещи. Их оказалось мало. Не заполнив даже половины чемодана, она развела руками:

– Надеюсь, ваш господин оденет вас как куколку.

– Я сама одену себя, – гордо сказала Жанна. – Все еще обо мне услышат.

– А как же жаркое? – спохватилась старуха. – Вы так и не поедите?

Графиня покачала головой:

– Не хочется. Ешь сама, моя дорогая Кло. А теперь оставь меня. Мне нужно побыть одной.

Спровадив служанку, Жанна присела на софу и грустным взглядом окинула комнату, в которой прожила не один год. Ее охватило какое-то щемящее чувство, похожее на ностальгию. Будущее и манило, и пугало женщину. Все ли сложится так удачно, как предсказал Калиостро? Все же они решили бросить вызов сильному миру сего и могут поплатиться. За оскорбление королевского величества полагалась смертная казнь. То есть если их разоблачат, пощады ждать не придется. Думая об этом, Жанна несколько раз порывалась разобрать дорожный саквояж и отказаться от рискованного предприятия, но убогая обстановка комнаты останавливала графиню. Если она откажется, что ее ждет? Снова прозябание на одной из самых бедных улиц Парижа и воровство кошельков у дам-благотворительниц? Нет, такая жизнь ей давно осточертела. Она хочет больших денег, и она их получит, пусть даже таким способом.

Дивногорск, 2017

Сергей явился голодный, усталый, но его глаза необыкновенно блестели. Вымыл руки, он с чувством выполненного долга сел за стол.

– Как ты?

– Держусь пока. – Юля грустно посмотрела на него. – А что мне остается делать? Послезавтра похороны. Хорошо хоть, агентство все взяло на себя, только заплати. Ну деньги у меня есть. И дед месяц назад дал сумму на похороны. – Она всхлипнула. – Я ему говорю: «Дедушка, рано тебе умирать. Нужно правнуков дожждаться». А он покачал головой и ответил: «Внученька, человек предполагает, а Бог располагает. Если угодно Всевышнему, протяну еще десяток лет. Если нет – похоронишь с миром». И не думала, что предчувствия у него... Даже не подозревала. – Девушка тихо заплакала, и слезинки, как бусинки, покатались по бледным щекам.

– Ну, Юля, не нужно, родная. – Сергей подошел и обнял ее. – Возьми себя в руки. Ты же хочешь отыскать убийцу, а как его найдешь, если ты расклеишься и не сможешь мне помогать?

– Да, да, ты прав. – Самойлова расправила плечи и взяла кусок кулича. – Только не знаю, удастся ли нам это. Вот уже два года, как я хочу узнать правду о смерти своего отца.

– Но тут и узнавать нечего. – Сережа вернулся на место и налил чаю. – Разве он не покончил с собой?

Юля покачала головой:

– Он не мог этого сделать. Это был сильный человек. И он хотел дожждаться внуков. Смерть мамы, конечно, повлияла на него, но не настолько, чтобы сводить счеты с жизнью.

– Но у нас в управлении все считают, что полковник Самойлов... – Он запнулся, наткнувшись на холодный взгляд невесты.

– Его старый друг, Георгий Иванович, почти ничего не сделал для того, чтобы выяснить правду, – пробурчала она. – Экспертиза не была проведена должным образом. Ну да ладно, не будем об этом сегодня. Рассказывай, что тебе удалось узнать.

– О, немало. – Сергей делал трехэтажный бутерброд – внизу колбаса, сверху сыр «Хохланд», еще выше – веточка укропа – вкуснятина. – В общем, о твоём дедё я мало что знал, как и ты. Но вдруг мне на память пришел один разговор с твоим отцом... Мы беседовали на разные темы, и Геннадий Матвеевич проговорился, что отец его служил в МГБ. – Он разинул рот и с трудом откусил кусок трехэтажного произведения искусства. – Вот я и решил узнать, где твой дедё проходил службу. Попросил коллег, они направили запрос в архив, разумеется, получив все нужные разрешения, и вот что мне удалось выяснить. – Он аккуратно, словно боясь повредить, положил бутерброд на тарелку с золотой каемочкой и достал из кармана брюк черный глянцевый блокнотик, раскрыл его посередине: – Вот, слушай. В начале пятидесятих годов Матвей Петрович вместе с четырьмя сослуживцами был командирован в Крым, знаешь зачем?

Юля скривила рот:

– В Крым? Ну откуда я могу знать? Я понятия не имела, что он там бывал.

– А это очень интересно. – У Сергея загорелись глаза, и его тонкое лицо стало еще красивее. – Нужно было большими темпами поднимать хозяйство после войны, а денег у страны не хватало. И тогда правительство вспомнило одну старую историю о том, что французская аферистка, некая Жанна де Ла Мотт, которая, можно сказать, спровоцировала французскую революцию, какое-то время проживала в Крыму и там же умерла. Источники говорят, что ее похоронили в Старом Крыму. Есть такой город на полуострове, в нем коротал последние дни Александр Грин. Слышала?

– Да, слышала. – Юля оперлась щекой на руку. – И что же дальше? Ты хочешь сказать, что дедё направили на поиски ее могилы? Но зачем она понадобилась?

– Сразу видно, ты не читала Дюма. – Он попытался улыбнуться, однако улыбка вышла жалкой. – Эта самая Жанна обманом украла ожерелье, равного которому не было. Когда о мошенничестве догадались, ей пришлось бежать в Англию. Там она вышла замуж за графа, завещавшего ей все свое состояние. Однако и в

Англии ей спокойно не жилось. За ней постоянно следили люди, желавшие завладеть ожерельем или тем, что от него осталось. Вот и бежала наша дама в Россию. Прожила там двенадцать лет, пока император ее не разоблачил. Высылать женщину Александр Первый почему-то не стал, решил отправить в Крым с миссионерками. В Крыму Жанна жила сначала у Голицыной в Кореизе, потом – в маленьком домике в Артеке, неподалеку от Медведь-горы, затем переехала в Старый Крым, где и умерла. Легенда это или быль, понятия не имею, ибо никогда не интересовался, однако ходили слухи, что старуха завещала служанке-армянке похоронить ее с бриллиантами.

Юля моргнула.

– И что же? Она выполнила ее просьбу?

– Как ты понимаешь, об этом никто не знает. – Сергей вздохнул, подавляя зевок. Сидя в теплой квартире, он вдруг почувствовал, как устал, намотавшись сегодня по городу. Кроме того, сказалось нервное напряжение от пережитых волнений. Он вдруг подумал, что Юле еще труднее. Вот сейчас, возможно, на несколько минут, она погрузилась мыслями в интересный рассказ о Жанне, но пройдет совсем немного – и его любимая вновь подумает о том, что ее деда больше нет и что послезавтра его придется хоронить.

– И деда Матвея с сослуживцами послали на поиски бриллиантов, – догадалась девушка. – Думаешь, их нашли?

– Теперь, после заявления твоего деда, я в этом уверен, – сказал Плотников. – Вероятнее всего, они не отдали бриллианты властям, а взяли их себе.

– Этого не может быть, – прошептала Юля. – Дедушка был предельно честным. Он никогда бы не взял чужое. – Ее щеки покраснели, глаза заблестели, загораясь гневом. – Он всегда был примером честности для меня и папы.

– Я пытаюсь проанализировать предсмертные слова Матвея Петровича, – Он взял ее руки в свои. – Ну не кипятись, любимая. Я не хотел причинить тебе боль. Но ты сама мне сказала, что перед смертью дед винил себя во всех бедах вашей семьи, просил у тебя прощения и наказывал вернуть в могилу графини драгоценности. Если учесть, что Жанна и есть та самая графиня – именно этот титул она получила после замужества, – тогда все сходится.

Юля вскочила, опрокинув на колени чашку с горячим чаем, и вскрикнула от боли. Плотников схватил кухонное полотенце и бросился смахивать с нее коричневатую жидкость.

– Ну нельзя быть такой неосторожной! Вот, платье испачкалось... – заметил он. – Ничего, я виноват – я постараюсь его очистить.

– Да черт с ним, с платьем! – Девушка всхлипнула. – Самое печальное, что ты прав, Сережа. Вероятно, дедушка действительно совершил неблагоприятный поступок тогда... Наверно, был молод, неопытен, хотел лучшей жизни... а потом понял, что не в деньгах счастье, потому что ни разу не воспользовался этими проклятыми бриллиантами. – Дрожащими скрюченными пальцами она вцепилась в плечо жениха. – Сережа, нужно отыскать эти чертовы бриллианты и закопать в могилу Жанны, или как ее там. Если дед считал, что ее душа после этого успокоится, так тому и быть. Мы начнем сразу после похорон, Сережа. – По ее чистому, светлому лицу текли слезы, оставляя дорожки, казавшиеся хвостами комет или звезд – такие же блестящие. – Это мой долг.

Плотников обнял ее, так сильно прижав к сердцу, что Юля почувствовала его биение.

– Я все понимаю. Мы отыщем ее могилу.

– Да, да, да. – Девушка почти шептала, и молодой человек, оторвав ее от себя, заметил, что ее глаза слипаются. Еще немного – и девушка опустится на пол и погрузится в сон, глубокий, всепрощающий, все исцеляющий.

Он поднял ее на руки и перенес на диван, укрыв заботливо одеялом.

Глава 5

Париж, 1785

Алессандро сдержал свое слово, и ровно в девять часов тот же шикарный экипаж с угрюмым кучером ждал Жанну у дверей дома. Кучер принял из рук женщины дорожный чемодан, пристроил его рядом с собой и помог графине забраться в карету. Они помчались по оживающим, усыпанным снегом улицам утреннего Парижа. Жанна с интересом рассматривала районы, где никогда не была. А может быть, и была – давно, в детстве? Как называлась улица, на которой они жили с отцом и матерью? Изменчивая память не подсказывала ответ, и графиня подумала о матери. Интересно, где она сейчас? Жива ли? Вспоминает ли иногда о своем единственном ребенке? Как бы ни относилась эта женщина к дочери, все равно грустно, что они никогда больше не увидятся.

Печальные мысли одолевали Жанну до тех пор, пока кучер не выехал из Парижа и не помчался по загородной дороге. По обеим ее сторонам раскинулись обширные поля, покрытые не истоптанным, а свежим, искрящимся белым снежком. Коегде виднелись крестьянские домики. Мальчишки катались на санях, отгоняя собак, переливчатым лаем оглашавших окрестности. Эта сельская картина вызывала умиротворение, и Жанна успокоилась. Значит, Калиостро поселит ее за городом. Что ж, она давно мечтала пожить на природе. Как бы в подтверждение ее мыслей, кучер проехал по бревенчатому мостику через маленькую замерзшую речку и остановился возле двухэтажного домика, огороженного небольшим забором, за которым высились сосны. Белый, с красной остроконечной крышей, он казался сказочным жилищем гномов, и Жанне стало весело. Когда ей помогли вылезти из экипажа, она засемила по свежевывавшему снегу, с удовольствием прислушиваясь к его скрипу.

– Идите в дом, – напутствовал ее кучер. – Слуги уже ждут вас.

Графиня кивнула ему и по вымощенной красным кирпичом дорожке прошла к крыльцу. Не успела она подняться по ступенькам, как предупредительный молодой лакей могучего телосложения в шелковой красной ливрее открыл дверь и почтительно склонился перед ней. Жанна прошла в маленькую прихожую, устланную шикарным мягким ковром. Лакей помог ей снять верхнюю одежду.

– Идите завтракать, госпожа. Ваш кофе уже готов.

– Спасибо, – поблагодарила де Ла Мотт. – Как тебя зовут?

– Роже, мадам, – ответил слуга.

– Сначала я осмотрю дом, Роже, – бросила Жанна и, к своему удивлению, призналась: – Я здесь впервые. А ты слуга Калиостро?

Молодой лакей покачал головой.

– Нет, мадам. Меня наняли только вчера для вас.

– Сколько вас всего? – поинтересовалась новая хозяйка.

– Пятеро, мадам, – отозвался Роже. – Четверо лакеев и одна горничная.

– Отлично.

Жанна прошла в обставленную со вкусом гостиную. Здесь было все самое необходимое: стол со стульями, софа, шкафчик из орехового дерева, инкрустированный перламутром. Бархатные желтые портьеры закрывали два небольших окна. С потолка спускалась хрустальная люстра. Осмотрев гостиную, графиня осталась довольна комфортной обстановкой и перешла в одну из спален. Широкая кровать в стиле Людовика XIV, покрытая желтым парчовым покрывалом, занимала почти всю площадь; на туалетном столике с довольно большим зеркалом лежали принадлежности, так необходимые женщине. Вторая спальня была меньше и, скорее всего, предназначалась для гостей.

Познакомившись со своим новым жильем, де Ла Мотт вышла в коридор. В гостиной ее уже ждал накрытый к завтраку стол. Графиня только сейчас почувствовала, как проголодалась, и с удовольствием принялась за воздушные круассаны. Как давно она их не ела! У ее супруга вечно не хватало денег. А здесь... Калиостро явно не поскупился. На стол были выставлены несколько сортов варенья, бисквиты, шоколад. Голодная Жанна смела почти все, что ей предложили лакеи, и сладко потянулась.

– Что же мне теперь делать? – произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь.

– До двенадцати вы можете заняться чем хотите. – Роже, оказывается, находился совсем рядом. – А в двенадцать приедет господин. Он просил напомнить, что у вас сегодня встреча.

Графиня закивала.

– Да, да, я не забыла. – Она вытерла губы батистовой салфеткой и вышла в прихожую. – Роже, занесите мой чемодан в спальню.

Молодой великан поднял его как пушинку.

– Легкий, мадам.

Он не стал ничего добавлять, но Жанна поняла, что Роже удивлен скудностью ее гардероба. Женщина прошла в спальню, надела простое домашнее платье, порадовавшись, что теперь камин можно разжигать когда душе угодно, и улеглась на мягкие подушки, венчающие большую кровать. Измученная переживаниями, она не заметила, как заснула, и пробудилась только тогда, когда горничная, симпатичная молодая блондинка с огромными голубыми глазами и красивой ее родинкой на щеке, слегка потрогала ее за плечо:

– Мадам, к вам господин Калиостро.

Жанна мгновенно вскочила, поправила прическу и выбежала в гостиную. Алессандро, развалившись, сидел в кресле с высокой спинкой. Его пронзительный взгляд прошелся по красивой фигуре графини де Ла Мотт, по ее посвежевшему лицу. Видимо, он остался доволен своей подельницей, потому что лицо мужчины озарила улыбка.

– Рад, что вы отдохнули, – произнес он, вставая и целуя маленькую белую руку. – Значит, вы лучше сможете воспринимать то, о чем я буду говорить. Сегодня вас ждут самые настоящие занятия, как у школяров.

Это изумило женщину.

– Но зачем? – прошептала она. – Я умею читать и писать.

Калиостро замахал руками.

– Милая моя, для знатной дамы, претендующей занять подобающее место в высшем обществе, вашего монастырского образования недостаточно. К тому же,

как мне известно, вы не были прилежной ученицей. Видите ли, когда я приведу сюда де Рогана, вы должны произвести на него впечатление. Кардинал хорошо образован, и дама, которой предстоит с ним беседовать, должна почти ни в чем не уступать ему. Итак, если вы готовы, давайте начнем, ибо у меня мало времени.

– Давайте начнем, – со вздохом согласилась Жанна. Калиостро достал из черного портфеля несколько книг.

– Это нужно прочесть, и чем быстрее, тем лучше. А теперь, моя прекрасная ученица, слушайте меня и постарайтесь схватывать на лету. Сегодня я проведу с вами уроки математики.

Жанна вздрогнула. В этой науке она не разбиралась. На ее счастье, Алессандро объяснял очень доходчиво и беспокоился, удалось ли графине все понять. Он радовался, видя, что де Ла Мотт если и не схватывает на лету, то, во всяком случае, старается понять, о чем идет речь.

– Вы довольно способны, – похвалил он молодую женщину, проведя с ней полтора часа. – Держу пари, вам никто об этом не говорил. Да и кто мог сказать? Родители не дали вам никакого образования, а в монастыре вы были не нужны и неинтересны равнодушным монахиням. И лишь я, великий Калиостро, решил заняться огранкой бриллианта по фамилии Валуа! Честь мне и хвала, хотя я и делаю это из корыстных побуждений. – Он взглянул на огромные часы в виде головы Горгоны, висевшие в гостиной. – А теперь, дражайшая графиня, мне пора. Завтра мой кучер доставит вас ко мне, и, кроме уроков астрономии, я обучу вас, как помогать мне во время сеансов.

– Помогать во время сеансов? – удивилась Жанна. – И все будут знать меня как вашу помощницу?

– Разве кто-нибудь видит моего помощника и слугу Гильома? – Граф скривил полные губы. – Нет, моя дорогая, это мне ни к чему. Ни одна живая душа не будет знать, что мы вместе мистифицируем публику. Для гостей вы будете только родственницей бедного короля Генриха.

Жанна наклонила голову.

– На это я согласна.

Великий чародей поднялся с кресла и направился к двери.

– Значит, до завтра, мой друг.

– До завтра, – эхом отозвалась графиня. Она поняла: у нее действительно началась новая и интересная жизнь. А придет ли к ней удача, зависит не только от Калиостро.

Дивногорск, 2017

Следующий день прошел для Юли как в тумане. Надо было вплотную заниматься похоронами, пригласить тех, кто знал и любил ее деда, позаботиться о поминальном столе, съездить на кладбище. Накануне она решила, что похоронит Матвея Петровича рядом с его боевой подругой – ее бабушкой. Мысли о Жанне и ее могиле отошли на задний план. Она обязательно подумает об этом, но потом, когда отдаст дедуле последние почести. Девушка куда-то бегала, с кем-то общалась, ругалась с кладбищенскими работниками, а вечером, совершенно измученная, упала на диван, даже не приняв душ, что привыкла делать регулярно. Сергей позвонил ей только один раз. Он тоже был занят, но совсем другим. Отпросившись у начальства, полицейский с раннего утра отправился в архив МГБ, размышляя, как хорошо иметь много друзей – явно лучше, чем сто рублей. Его одноклассник, с которым они в школе были неразлейвода, служил в военной разведке – он и помог проникнуть за закрытые двери, чтобы своими глазами увидеть нужные документы. То, что удалось разузнать по запросу, Сергея не устраивало – слишком мало сведений. Наверняка в папках хранится информация о сослуживцах Матвея Петровича, тех самых, фамилии которых скрывал сверток в банке с вареньем. К сожалению, даже после колдовства криминалистов ничего не удалось узнать. Сироп съел химические чернила, и буквы полностью исчезли. Оставалась надежда на архив МГБ. Вот уж где не пропадет ни одна бумажка! Работница архива, пожилая женщина с пучком седых волос на голове, напоминавшая школьную учительницу на пенсии, приветливо улыбнулась гостю:

– Это вы Сергей Плотников? Насчет вас звонили, – и, смутившись, как школьница, пролепетала: – А удостоверение ваше можно посмотреть?

– Да, да, конечно. – Он вытащил корочку и раскрыл перед ней. Дама еще больше смутилась, и ее полные щеки, украшенные большими бородавками, стали пунцовыми:

– Спасибо. Проходите, пожалуйста. Какой год вас интересует?

– Пятьдесят третий, – отчеканил Сергей. – Точнее, дело, связанное с поиском могилы Жанны де Ла Мотт. Им занимался один из работников МГБ – Матвей Петрович Самойлов. Мне кажется, тогда он был в звании лейтенанта.

– Сейчас все найдем. – Вероятно, школьная учительница, как он уже успел ее прозвать, работала здесь давно. Она без колебаний подошла к нужной полке и, перебрав папки, остановилась на одной: – Здесь все, что нужно. Только учтите, выносить и фотографировать документы нельзя.

– Я сам работник органов, – усмехнулся Сергей, – и мне это известно не хуже, чем вам.

– Тогда прошу за этот стол. – Ловким движением дама смахнула пыль с небольшого письменного столика, на котором стояла старая настольная лампа с зеленым абажуром, покрытым серой пылью. Плотников уселся на стул с высокой спинкой, чуть не разлетевшийся от его резкого движения, и с волнением раскрыл папку. Каким-то образом сюда попал дневник офицера МГБ Самойлова. Полицейский сразу узнал почерк Юлиного деда, его по-детски круглые буквы. Казалось, рука старательно выводила строки, предназначенные для начальства. Перед глазами Сергея пронеслась вся авантюрная история, заранее обреченная на провал. Почему власти относились ко всему этому более чем серьезно? Ведь, кроме слухов и легенд, у них ничего не было. И тем не менее группу из пяти человек командировали в Крым. Матвей Петрович, в то время старший лейтенант, возглавлял операцию, старательно фиксируя почти каждое действие. Он писал, что они остановились в Артеке, неподалеку от домика Черной Графини, и не слишком поверили в рассказы местных жителей о том, что дама иногда навещает свое жилище. Ее часто видели в укромных уголках парка, она пугала не угомонившихся после отбоя пионеров. Однажды Матвей Петрович решил в полночь прогуляться по артековскому парку, по самым темным его уголкам. Пятно в конце аллеи показалось сначала фонариком сторожа, который иногда осматривал окрестности в поисках непослушных артековцев. Однако это был не фонарик. Светящаяся точка приближалась, увеличиваясь в размерах, превращаясь в пожилую женщину в платье времен

Людовика XVI, с высокой прической. Дама была прозрачная, легкая, воздушная... И тем не менее она разговаривала. Она обратилась к Самойлову, от страха будто вросшему в землю, на русском языке, с заметным акцентом, прося не тревожить ее кости и не брать бриллианты, которые никому не принесли и не принесут счастья. Матвей Петрович потерял сознание. Его нашел сторож, обходивший лагерь, и позвал друзей. Они долго не могли привести его в чувство, а когда привели, Самойлов не соображал, где находится. Лишь оказавшись в комнате и выпив горячего кофе, он пришел в себя. Друзья уложили его в постель, интересуясь, что произошло. Он все рассказал, но это вызвало лишь сочувствие, смешки и заверения, что случившееся – плод его воображения, галлюцинация. А потом они поехали в Феодосию.

Далее Юлин дед рассказывал, как они нашли могилу графини, но в ней ничего не было. Побродив в горах, они вернулись в Москву несолоно хлебавши. Матвей Петрович так и написал в дневнике: «Наши поиски не увенчались успехом». Кроме того, он сообщил об этом в огромном донесении начальству, информируя о том, что если в Старом Крыму действительно когда-то похоронили именно Жанну де Ла Мотт, а не особу, выдававшую себя за нее, следы ожерелья, к сожалению, утеряны. Однако, судя по его последним словам, на деле все выходило совершенно по-другому, и Сергей решил рассказать Юле о своих соображениях, но не сегодня, а завтра, даже, может быть, послезавтра, когда пройдет неприятная процедура похорон. Помимо всего этого, предстояло выяснить, кто еще, кроме четверых сослуживцев, мог знать о драгоценностях. Этот кто-то существовал – полицейское чутье ни разу не подводило Сергея, он шел по следам эмгэбистов и был готов убивать. Подойдя к работнице архива и возвратив ей папки, Плотников улыбнулся, поблагодарил и, уже уходя, спросил как бы невзначай:

– Скажите, кто-нибудь еще спрашивал вас об этой экспедиции?

Ей не понадобилось и минуты на размышление. Пожилая женщина прекрасно помнила всех, кто вторгнулся в ее скромное святилище, в котором она проработала много лет – уж и не помнила сколько.

– Конечно, такой же, как и вы, полицейский. Он предъявил удостоверение.

Плотников похолодел. Полицейский? Этого еще не хватало! В таком случае у них вряд ли получится опережать его хотя бы на шаг, а значит, ничего у них не выйдет.

– А как его фамилия?

Она смутилась, покраснела, глотнула, прежде чем ответить.

– Видите ли... – Каждое слово давалось ей с трудом. – Я не... Я... Так получилось, что...

Ему показалось, что женщина теряет сознание. Лицо ее побелело, губы посинели и дрожали. Жалкая прядь вырвалась из пучка и грязной сосулькой висела на лбу. И сама она выглядела такой жалкой, потерянной, задавленной тяжелой жизнью, что молодой человек все понял. Она не посмотрела его фамилию, потому что незнакомец сунул ей какой-то презент – вероятно, коробку конфет. Даже ей эта бедняга была рада.

– Такое со мной впервые, поверьте, – лепетала работница архива, преданно заглядывая в глаза Плотникову, как потерявшая след собачонка. – Вы не скажете начальству?... Не скажете?...

Он отмахнулся от нее:

– Больше так никогда не делайте. Из-за вашей беспечности может случиться беда. Уже случилась.

Она побелела еще больше, но капитан, не в силах находиться здесь, вышел на улицу. Завтра, завтра... Завтра надо приниматься за дело. Завтра – крайний срок, даже если Юля еще не оправится после похорон. Преступник не оставил им времени.

Глава 6

Париж, 1785

Граф всерьез занялся своей поделницей. Он обучил ее практически всему, что знал сам. Каждый день Жанна занималась точными науками, философией, культурой речи, читала бессмертные творения древних авторов, училась у них красноречию. Великий чародей оставался доволен своей ученицей. У нее были пылкий ум, хорошо развитое логическое мышление и – главное – желание получить хорошее образование. Кроме всего прочего, граф обучил ее всяким техническим тонкостям, и вскоре женщина с успехом заменяла Гильома. Разумеется, ни одна живая душа не догадывалась, кто ассистирует магу.

Калиостро сдержал свое слово и вывел новую помощницу в свет. В конце февраля он повез Жанну в Версаль, чтобы участвовать в зимнем катании королевы. Молодая графиня во второй раз увидела женщину, правившую Францией, – дочь австрийской эрцгерцогини Марии-Терезии и Франца I, императора Священной Римской империи. Супруга Людовика XVI показалась ей еще более некрасивой, чем прежде, и де Ла Мотт снова подумала, что на ее месте могла быть и должна быть она. Да, происхождение у Антуанетты более знатное, но, по крайней мере, черты лица у Жанны тоньше и благородней, фигура красивее. Сделав сравнение в свою пользу, она не почувствовала обиды на судьбу, напротив, ей стало смешно. Эта чопорная вершительница судеб, показавшая при дворе свой характер и прозванная гордячкой за отказ наладить отношения с мадам Дюбарри, даже не подозревает, как скоро расплатится за свое пренебрежение к той, в чьих жилах течет не менее благородная кровь. Жанна, ожидая, что верный своему обещанию Калиостро представит ее, повернулась к своему спутнику, который держал ее под руку. Чародей едва заметно кивнул и низко поклонился королеве. Мария-Антуанетта любезно ответила на его поклон.

– Поверьте, я желала быть на всех ваших сеансах, – с улыбкой сказала она. – Но, к сожалению, себе не принадлежу. Любой уход из дворца мне нужно согласовывать с мужем, а он, как известно, не сильно приветствует такие собрания, даже если за вашим столом собираются самые достойные люди.

– Передайте ему, что я мечтаю видеть короля за своим столом, – в тон ей ответил Калиостро, – и с нетерпением буду ждать этого момента.

Мария-Антуанетта расхохоталась, показав острые белые зубки.

– Скорее сама Клеопатра придет к вам.

– Она уже приходила и не рассказала мне ничего интересного. Кстати, по сравнению с вами царица Нила – жалкая смуглая плебейка. – Граф сжал руку Жанны и слегка подтолкнул ее вперед. – Сегодня я хотел бы вам представить своего друга, графиню де Ла Мотт, урожденную Валуа.

Королева наморщила лоб, и Жанна отметила, какая у нее белая и нежная кожа. Мороз чуть зарумянил щеки государыни, делая их похожими на лепестки чайных роз.

– Жанна Валуа? Где-то я слышала это имя. – Она щелкнула пальцами. – Пойдите, мне рассказывали о вас. Значит, вы и есть та самая бедная женщина благородного происхождения, которая еле сводит концы с концами?

– Да, ваше величество, – скромно отозвалась де Ла Мотт и сделала реверанс. – Я давно уже живу на пожертвования. К сожалению, мой супруг, тоже имея благородное происхождение, получает мизерное жалованье. Наши дети умирают от голода и холода.

На лице Марии-Антуанетты отразилось сочувствие. Калиостро это заметил и принял эстафету у своей новой подруги:

– Графиня желала обратиться к вам, ваше величество, но ей посоветовали сначала посетить министра, который ее не принял.

Королева сжала маленький кулачок, облаченный в черную перчатку.

– Значит, в нашей стране родственница короля влачит жалкое существование. – Она закусила губу. – Да, я понимаю, почему министр не принял вас. Ему это неинтересно. Благотворительностью занимаюсь я. Вам следовало писать мне.

Тонкий ум и врожденная тактичность подсказывали Жанне верные ответы.

– Я не смела, ваше величество, – тихо сказала она.

Мария-Антуанетта решительно топнула маленькой ножкой, обутой в сафьяновый сапожок.

– Вы должны прийти ко мне на прием, и я попробую провести вас к своему мужу! – произнесла она. – Король не столь жалостлив, как я, но ему присуще чувство справедливости. Думаю, мы сможем что-нибудь сделать для вас.

Жанна отметила про себя, что теперь королева ведет себя с ней довольно любезно, не так, как несколько лет назад, когда она явилась в Версаль в стоптанных башмаках и потрепанном платье, и оценила этот факт не в пользу Марии-Антуанетты. Что ни говори, а королева должна помнить своих подданных – всех, а не избранных, коими она себя окружила, чем вызвала всеобщее неодобрение. Почему-то графиня не сомневалась, что даже теперь, несмотря на протекцию Калиостро, ни Мария-Антуанетта, ни ее супруг ничего для нее не сделают. Сытые голодных не разумеют. Недаром в обществе повторяли фразу, как-то вскользь оброненную ее величеством: «Кто не ест хлеб, пусть ест пирожные». Алессандро, взяв Жанну за руку и любезно попрощавшись с государыней, направился в сторону заснеженного сада.

– Вы любите зимнее катание? – поинтересовался он, будучи уверенным в ответе. Де Ла Мотт покачала головой:

– Нет.

– И я нет. Давайте порадуемся за других.

Они встали в толпе праздных и богато одетых людей и с улыбкой наблюдали, как на лед небольшого озерца, казавшегося зеркальным кругом неправильной формы, выкатили огромные голубые сани с королевскими лилиями по бокам. Мария-Антуанетта с покрасневшимся на морозе лицом гордо восседала на голубой бархатной подушке. Возле саней столпились молодые люди, среди которых Жанна узнала графа д'Артуа, начальника своего мужа. Это был стройный, довольно интересный мужчина с тонким длинным носом. Все оспаривали право прокатить королеву. Наконец один из кавалеров, розовощекий красивый блондин, сложенный как Геракл, схватил упряжь и под крики восхищенной толпы заскользил по льду, разгоняясь все больше и больше. Жанна заметила, что государыня чуть побледнела, но ничем не выказывала страха. Наиболее резвые молодцы мчались параллельно саням, пытаясь перехватить упряжь. Они показались молодой женщине похожими на больших борзых, которые старались угодить своему хозяину. Это зрелище было и смешным, и грустным одновременно – правда, только для нее. Толпа подбадривала молодежь, участвующую в действе, и восторженно хлопала в ладоши.

Алессандро, прильнув к маленькому, побелевшему от мороза уху подельницы, принялся знакомить ее с присутствующими, обжигая горячим дыханием:

– Маркиз де Ламбаль... Граф де Торрен... А вон и Людовик Шестнадцатый.

Взгляд графини упал на остроносого худощавого всадника, обладателя каштановых тараканьих усов и мягкого, безвольного рта, который одиноко сидел на ухоженной гнедой лошади и смотрел на невинное развлечение с нескрываемой скукой. Де Ла Мотт узнала короля. Монарх уже и на людях не скрывал, сколь равнодушен к молодой жене и ее светским развлечениям. Он показался Жанне нерешительным и бесхарактерным. «Странно, что она не настояла на покупке ожерелья, – подумала графиня. – Если он воспротивился, то только по одной причине. В казне мало денег, а у нее и так бриллиантов, говорят, на двадцать два миллиона». Но какая женщина откажется от лишней драгоценности, тем более такой, как подарок Людовика XV мадам Дюбарри? Их с Калиостро предприятие могло выгореть.

Зимние игры королевского двора продолжались довольно долго. Придворные, резвясь на снегу, веселились как дети, но Жанна начала скучать. Она с детства не любила развлечения, в которых не могла принять участие сама, и свободно вздохнула, когда Калиостро приказал ей идти к экипажу.

– Первый шаг мы сегодня сделали, – сообщил он своей подельнице, плюхаясь рядом на сиденье. – Месяца через полтора сделаем второй.

– В чем он будет заключаться? – спросила Жанна, кутаясь в меховую накидку из горностая, подаренную магом.

– Я представлю вас кардиналу де Рогану, и мы с вами должны будем убедить его, что вы близкая подруга королевы, – небрежно бросил граф.

Женщина поежилась.

– Второй шаг более рискованный, чем первый.

– Отнюдь, – возразил чародей. – Кардинал не вхож к королеве и не может в беседах с ней проверять каждое мое слово. Однако кое в чем вы правы.

Придется потрудиться. Нужно воочию убедить де Рогана, что у вас с королевой приятельские отношения.

- Но как это сделать? - воскликнула Жанна.

- О, теперь это проще, чем раньше, - улыбнулся маг. - Мария-Антуанетта разрешила вам просить ее аудиенции. Вы можете спокойно прийти в Версаль и застать королеву одну в саду. Необходимо, чтобы Роган увидел вас вдвоем. Уверю: он поверит, что вы заняты дружеским разговором.

Жанна пожала плечами.

- Постараюсь. Значит, следующие полтора месяца мы будем продолжать совершенствовать мое образование?

Граф иронически поклонился.

- Именно так, мадам.

Дивногорск, 2017

Юля старалась гнать мысли о похоронах, о том, как она последний раз увидит своего дедушку, но этот день наступил. Впрочем, спасибо работникам ритуального агентства, ребятам лет тридцати с лишним, совершенно не похожим на советских кладбищенских работников: трезвые, опрятно и хорошо одетые, они взялись за дело засучив рукава и избавили ее от множества неприятных впечатлений. Во время гражданской панихиды (дед был некрещеным, и его не отпевали в церкви), на которую пришло совсем немного народа, девушка не понимала, где находится, вернее, не хотела понимать. В ее воспаленном мозгу не укладывалось, что этот мужчина с желтым вытянутым лицом, хмурый и сосредоточенный, неподвижно лежащий в гробу, обитом красным бархатом, - ее дедушка, который так любил жизнь и звал ее Юлой.

На поминках посетителей было больше. Плотников, не отходивший от невесты ни на шаг, заметил про себя, что некоторых он видит впервые, что они наверняка понятия не имели, кто такой Матвей Петрович, и оказались тут случайно: их притащили другие приглашенные. Присутствовать на похоронах -

это одно, и совсем другое – сидеть в уютном кафе, пить водку с пирожками и другими закусками и притворно охоть о незнакомом человеке. Через полтора часа, уставший и раздраженный, Плотников подмигнул Юлии, сидевшей в каком-то оцепенении и ни на кого не обращавшей внимания, и девушка шевельнулась, намереваясь показать запоздалым гостям, что пришло время прощаться. Те с сожалением поднялись, воровато складывая в предусмотрительно прихваченные пакеты все, что осталось на столе, – салаты, пирожки, булочки, нарезки и конфеты. Хозяйка им не препятствовала. Юле кусок не лез в горло, она лишь впихнула в себя ложечку необыкновенно вкусной кутьи и чуть похлебала суп с домашней лапшой. Все остальное время она сидела, как мраморное изваяние, не слыша, что говорят. Сегодня обрывалась последняя ниточка, связывавшая ее с детством. Ниточка, связывавшая с отцом и матерью, так рано ее оставившими.

– Пойдем, Юля. – Сергей помог ей подняться, попрощался с гостями и потащил невесту в машину. Она не сопротивлялась, безучастно смотрела в окно на озаренные вечерним солнцем тополя и крыши домов.

– Я тебе говорил, мне удалось кое-что выяснить, – начал Сергей, не надеясь на какую-нибудь реакцию с ее стороны – слишком уж безжизненными были ее всегда живые глаза. – Сейчас я отвезу тебя домой, ты выступишься, а завтра поговорим.

Девушка качнулась, будто собираясь упасть в обморок, и произнесла четким ровным голосом:

– Нет, ты расскажешь мне все сегодня. Сегодня, ты слышишь? Мы должны как можно раньше разобраться во всей этой истории и найти негодяя, угробившего единственного близкого мне человека.

– Впрочем, я готов, все зависит только от тебя. – Он подрулил к Юлиному дому и помог ей выйти из машины. Соседка, сидевшая на скамейке, подняла на нее глаза с хитринкой и тут же скривилась в сострадательной гримасе:

– Бедняжечка ты наша, сиротинушка... Вот деда похоронила... Каким он был молодцом, Матвей Петрович... И бабуля твоя... Какие хорошие люди! Сколько лет их знала, сколько добра мне сделали...

– Что-то на похоронах я вас не видела, – парировала Юля. – Если столько лет на одной лестничной клетке, душа в душу, что ж попрощаться не пришли? Ни с дедом, ни с бабушкой, ни с родителями...

Бабулька сразу преобразилась. Сострадание куда-то исчезло, уступив место злорадной ухмылке:

– А мне там делать нечего, я с ними щи вместе не хлебала. Ну жили по соседству – и что с того?

Самойлова ничего не ответила. Она потянула Сергея за рукав:

– Пойдем отсюда. Больше я с ней не здороваюсь.

Они поднялись по лестнице, и девушка сунула ключ в замочную скважину.

– Знаешь, – она подняла печальные огромные глаза на Сергея, – страшно заходить. Сегодня там, на похоронах, я поняла, что дедушка больше никогда не позвонит, не зайдет сюда. Боже, как страшно, Сереженька!

– Тебе нужно как можно скорее выйти за меня замуж. – Зайдя в темный коридор, мужчина прижал ее к себе. – Согласна? Подождем сорок дней, а потом подадим заявление.

– Согласна, – кивнула Юля. – Только для начала отыщем этого негодяя. – Она сняла туфли и плащ. – Ты хотел что-то мне рассказать. Давай пройдем в комнату. Я готова выслушать.

В просторной столовой Самойлова залезла на диван и свернулась калачиком. Ее знобило, и она делала над собой невероятные усилия, чтобы держать себя в руках. Плотников укрыл ее пледом с желтыми и черными клетками.

– Может, поспишь?

Девушка покачала головой:

– Я сказала, что готова тебя выслушать.

Он уселся в удобное кресло, выдохнул и рассказал о своем визите в архивы, о дневнике и донесениях ее деда и о том, что кто-то, скорее всего, назвавшийся полицейским, идет по следу сокровищ. Юля слушала внимательно, на белой тонкой шее пульсировала голубая жилка, уголки рта чуть подергивались.

– Думаешь, этот полицейский и есть убийца?

– Если только у него нет сообщников, – предположил Сергей.

– Да, это первое. – Она поежилась. – Есть еще и второе. Сереженька, ты уверен, что драгоценности существуют? Дед писал в донесении, что они ничего не нашли. – Девушка вспыхнула и отвела глаза. Плотников понимал: Юля задала этот вопрос для того, чтобы унять мучившую ее совесть. На деле выходило, что Матвей Петрович, всегда являвшийся для внучки примером честности и неподкупности, по сути, обманул, обокрал государство, найдя драгоценности и не отдав их властям. Сергей присел рядом с любимой и взял ее ледяные ручки в свои.

– Конечно, я уверен, как и ты. Как бы ни было неприятно, но Матвей Петрович и его друзья скрыли факт существования бриллиантов. – Его голос дрогнул, выражая душевную боль: он сам любил и безмерно уважал полковника Самойлова. – Иначе последние слова твоего дедушки были бы о чем-то другом. Но драгоценности и могила Жанны беспокоили его. И мы должны выполнить его последнее желание.

– Но если драгоценности отыскали, куда же их дели? – спросила Юля, и глаза ее зажглись. – Как ты думаешь?

– У меня только одна версия, – признался Сергей, потирая кончик носа. – Так иногда делают воры, ты уж извини за сравнение. Чтобы по какой-то причине не лишиться бриллиантов по дороге в Москву или по возвращении, они спрятали их где-то неподалеку от могилы Жанны, в Старом Крыму, составив карту, по которой можно до них добраться.

Юля опустила длинные пушистые ресницы:

– Да, дедушка говорил про карту. Но почему никто из них за долгие годы не забрал сокровища?

Плотников улыбнулся:

– Пожалуй, это я смогу объяснить. Сбыть такие бриллианты в Советском Союзе было трудно, практически невозможно. И потом, после этой командировки они наверняка находились под пристальным вниманием самой могущественной организации СССР. Ну а после, вероятно, в этом не было надобности. Все ждали подходящий момент, а он, вероятно, так и не наступал. Странно, что все... – Он задумался, и на его лбу опять собрались морщинки, и снова Юле захотелось их разгладить. – Мне кажется, твой дед придумал какую-то штуку, благодаря которой сокровища могли забрать или все сразу, или никто.

– Возможно. – Самойлова дернулась под пледом. – Остается самый главный вопрос: где карта? Ты предположил, что грабитель и убийца не взял ее, раз дед упомянул о ней перед смертью. Так где же она?

Плотников пожал широкими плечами:

– Вот этого я не знаю. Сейчас у нас с тобой единственная зацепка – отыскать его сослуживцев. – Он достал из кармана список. – Вот они, голубчики: Григорий Борисович Поплавский, Станислав Михайлович Пономаренко, Василий Андреевич Чистяк и Павел Федотович Лисицын. Я попросил наших компьютерщиков, пусть пробьют по базам, где эти люди, живы ли они вообще. Пока не звонили, но... – он широко улыбнулся, показав белые ровные зубы, – думаю, они не заставят меня ждать.

Он оказался прав: Юля не успела ничего сказать, как раздался звонок мобильного. Ее всегда раздражала мелодия симфонии Шостаковича, она казалась ей слишком безжизненной и немелодичной. Однажды она сказала об этом Плотникову, и тот, усмехнувшись, обещал сменить звонок, но так этого и не сделал – не дошли руки. Странно, но сегодня девушка выслушала Шостаковича совершенно спокойно, вероятно, после пережитых страданий все остальное казалось ей ерундой.

– О, Сашок! – крикнул капитан в трубку. – Представь, только о тебе говорили. Неужели выполнил мое поручение? – Он включил громкую связь, и девушка

услышала чуть глуховатый голос Саши Андреева, лучшего компьютерщика отдела, прозванного Гейнцем.

- Это означает, что мне нужно икнуть?

- Необязательно, - успокоил его Сергей. - Скажи, ты нашел этих людей?

- Разумеется, - спокойно ответил Андреев. - Хотя, в общем, не всех.

- Как не всех? - не понял Плотников.

- Не всех на этом свете, - усмехнулся Андреев, и капитан представил, как его полное лицо с глубокой ямочкой на подбородке расплылось в улыбке. - Жив только старик Пономаренко, у остальных есть родственники. В нашем Дивногорске обитает только Григорий Поплавский, сын покойного с теми же именем и фамилией. Он предприниматель, и довольно процветающий. Остальные проживают неподалеку, в соседних городах. Я имею в виду родственников покойных. Записывай адреса.

- Одну минутку. - Юлия знала, что сейчас Сергей достанет из кармана пиджака блокнот с прикрепленной к нему шариковой ручкой с золотым колпачком. - Давай говори. - Мелким убористым почерком он записывал координаты. - Спасибо, друг. Сочтемся.

- Обязательно. - Компьютерщик снова усмехнулся. - Теперь с тебя четыре бутылки пива.

Закончив разговор, Плотников повернулся к девушке и подмигнул:

- Ну вот, любимая, у нас есть адреса всех, кто помогал твоему деду в той поездке. Это уже кое-что. - Он пробежал глазами список. - Сегодня уже поздно, а завтра начнем расследование. Думаю, сначала нужно побывать у сына Поплавского. Во-первых, он живет в нашем городе, во-вторых, Матвей Петрович постоянно упоминал о нем в своем дневнике. В общем, как бы то ни было, надо с кого-то начинать. Верно? - Он наклонился над Юлей, однако девушка не слышала его. Ее принял в свои объятия сон.

Глава 7

Париж, 1785

Полтора месяца промчались как один день. Калиостро регулярно приезжал в загородный домик, проводил занятия с талантливой ученицей, хвалил ее за усердие и однажды, в конце апреля, когда снег совсем сошел, обнажив голую желтую землю с пробивающейся местами редкой изумрудной травкой, решительно объявил:

– Завтра вам предстоит знакомство с кардиналом!

Графиня побледнела и прижала ладонь ко рту:

– Уже завтра?

Граф расхохотался.

– Что я вижу? – Его светлые глаза, казалось, пронизывали ее насквозь. От такого взгляда женщина растерялась еще больше. – Что я вижу? – повторил он. – Бесстрашная графиня боится? Хочу заверить вас: бояться нечего. Де Роган вас не укусит.

– Но кардинал... – Жанна метнулась к шкафу с платьями и, дернув на себя дверцу, принялась перебирать немногочисленные наряды. – Что мне надеть, как вы считаете? То платье, в котором я была в Версале?

– Ни в коем случае! И именно потому, что вы уже в нем были, – ответил граф. – Перестаньте волноваться. Я привез вам новое платье.

Жанна замерла, открыв рот.

– Вы купили для меня платье?...

– А вас это удивляет? – поинтересовался Калиостро. – Надеюсь, вы не станете спорить со мной – хотя бы потому, что я больше вашего вращаюсь в высшем обществе.

– Ну разумеется. – Молодую женщину охватил понятный азарт, который охватывает каждую представительницу прекрасного пола, когда речь идет о смене гардероба. – Вы покажете мне его?

– Ваш вопрос меня удивляет. – Калиостро распахнул дверь и указал на картонную коробку. – Берите, примеряйте. Оно ваше!

Жанна бросилась к покупке и судорожным движением разорвала тонкий шпагат. Атласное бордовое платье с фламандским кружевом выглядело потрясающе.

– О, – прошептала она, – о-о-о!

Этот возглас многое бы сказал любому человеку. Сразу становилось понятно, что у графини никогда не было таких дорогих и шикарных вещей.

– Примерьте, – повторил Калиостро. – Знаете, очень важно не ошибиться с размером.

Восхищенно проведя по материи белой рукой с едва заметными голубыми жилками, Жанна бросилась в спальню и там, путаясь в одежде, лихорадочно ее сняла. Когда женщина наконец облачилась в новое платье и подошла к зеркалу, изумлению ее не было предела. На нее смотрела не прежняя Жанна де Ла Мотт, готовая унижаться из-за жалких десяти лир, а гордая королева с аристократичными чертами лица, белой гладкой кожей, небольшим ртом, пухлыми губами, маленьким орлиным носом, миндалевидными голубыми глазами и словно нарисованными углем тонкими бровями-подковками.

– О-о-о! – произнесла она еще раз и отворила дверь спальни, представ перед Калиостро во всем своем великолепии. Граф замер, с довольной улыбкой созерцая новую богиню.

– Если раньше я немного сомневался в вас, то теперь мои сомнения улетучились, – заметил он и достал из кармана камзола небольшую коробочку. –

Но это еще не все. Метаморфозы продолжаются. – Лилейную шейку Жанны обвилось жемчужное ожерелье. – Это не бриллианты, однако все равно драгоценность, которая вам необыкновенно идет. Когда наше мероприятие выгорит, вы согнетесь под тяжестью бриллиантов. О, моя дорогая, вы разобьете не одно мужское сердце! Впрочем, чтобы вы не расслаблялись, я перестаю сыпать комплиментами. Хорошо отдохните, моя деточка, завтра вы должны быть во всеоружии.

Он галантно поцеловал мраморную ручку и, насмешливо поклонившись, вышел. Раньше Жанну покорила бы его насмешливость. Какой-то плебей так ведет себя с дамой королевских кровей! Как именно? Да как с подельницей, которую никто не уважает, и прежде всего он. Но теперь подобная вспыльчивость казалась ей излишней. Только бы завтра все получилось! Чтобы расслабиться, как советовал Калиостро, она выпила чашку горячего шоколада и вышла в сад. Весна уверенно вступала в свои права. На газонах возле домика курчавилась изумрудная травка. Нежные нарциссы склонили к земле свои желто-белые головки. Женщина сорвала нарцисс и поднесла его к носу, испачкавшись в желтой пыльце. Свежий воздух с ароматами оттаявшей земли пьянил и слегка кружил голову. Жанна сжала кулачок.

«У меня все получится, – заявила она сама себе. – У меня не может не получиться».

Кардинал никогда не опаздывал и явился в особняк Калиостро ровно в шесть часов. Жанне, вышедшей навстречу гостю, он показался очень высоким и чуть полноватым, но полнота его не портила. Свежее, красивое лицо принца крови с румяными щеками и большими серыми глазами было довольно привлекательным. Светлые напудренные волосы, зачесанные назад, открывали гладкий большой лоб, не испорченный ни единой морщинкой. Увидев гостя, Алессандро послал ему самую очаровательную улыбку и отвесил легкий поклон.

– Вы не представляете, как я счастлив вас видеть!

– Взаимно, дорогой граф.

Молодая женщина заметила, что зубы кардинала чуть-чуть выступали вперед, однако это не было серьезным недостатком. Вероятно, так считала не только

она, но и те дамы, которые втайне навещали священнослужителя для любовных утех. По сплетням, наводнившим Париж, их было достаточно много. Кардинала считали первым ловеласом столицы. Его образ никак не вязался с кардиналами былой Франции, в частности, с Ришелье. Луи ни в коем случае никто не назвал бы набожным – скорее светским, умным и воспитанным, – так считал и Вольтер.

На самом деле Луи-Рене страстно любил охоту, искусство, литературу, но более всего – симпатичных женщин. Странно, но, будучи неплохим дипломатом, как раз в дипломатии он не преуспел. Когда Луи исполнял обязанности посла Франции в Австрии, императрица Мария-Терезия невзлюбила епископа-посла, чья разнузданная манера поведения претила ее суровым нравам. Разумеется, о своих выводах она писала Марии-Антуанетте, и письма матери сделали свое дело: будущая королева Франции возненавидела кардинала. А когда в одном из писем Луи взял на себя смелость высмеять свою государыню, ненависть приняла чудовищные размеры. С тех пор Роган, успевший вернуться во Францию и награжденный почетным титулом Главного духовника при королевской особе, находился в немилости. Что он только не делал, чтобы расположить к себе королеву, к которой испытывал большую симпатию! Ничего не помогало. Вот на этом и решил сыграть великий маг и чародей.

Жанна все знала из рассказов графа. Ее любопытство было задето, и она не отрывала от гостя глаз. Большой лоб кардинала говорил об уме и незаурядности. Интересно, позволит ли принц себя одурачить? Калиостро однажды сказал ей, что Луи-Рене при своем незаурядном уме очень доверчив. Во всяком случае, он безоговорочно верил той чепухе, которую предсказывал великий маг. Ну, как говорится, будущее покажет. Де Роган, чувствуя пристальный взгляд Жанны, повернулся к ней.

– Сегодня вы встречаете меня в обществе очаровательной незнакомки, – произнес он, и его глаза блеснули восхищением. – Почему же вы до сих пор меня не представили?

– Что касается вас, то вы не нуждаетесь в представлении, – ответил Калиостро. – Но даму я представляю. Ее кровь так же благородна, как ваша. Это графиня Жанна де Валуа де Ла Мотт, внучка короля Генриха.

Румяное лицо кардинала ничего не выразило, и молодая женщина поняла, в чем дело. Принц не верил в ее королевское происхождение. Мало ли самозванок бродит по Парижу, не вызывая ни жалости, ни уважения. Вот тебе и доверчивый

кардинал! Калиостро, словно прочитав его мысли, наклонил голову.

– Графине очень приятно, что к ней прониклась сама королева и что она принимает участие в ее судьбе. Она вернула ей одно из поместий, где графиня сейчас и проживает. Мария-Антуанетта собирается назначить ей достойную пенсию, а ее мужа сделать пэром Франции и дать ему полк.

– В самом деле? – удивился гость. – Что ж, если это правда, это очень похвально с ее стороны.

Переговариваясь, они шли по длинному коридору особняка, освещенного сотнями свечей. Пламя играло в огромных зеркалах.

– Мария-Антуанетта подружилась с графиней, – сообщил граф принцу, наклонившись к самому его уху. – Жанна де Ла Мотт очень приятная собеседница, и королева часто вызывает ее к себе.

Лицо де Рогана выразило заинтересованность.

– Значит, вы частая гостья Трианона, – обратился он к Жанне. – И как вам наше высшее общество, к которому вы скоро будете принадлежать?

Женщина пожала плечами:

– Есть очень скучные люди. Извините за откровенность, монсеньор.

– И кого же вы считаете скучным? – участливо спросил кардинал.

На счастье Жанны, в последнее время она только и делала, что наблюдала за знатью, собиравшейся у Калиостро. Кое о ком ей рассказывал Алессандро, развлекая свою ученицу во время уроков. Поэтому высказать свое мнение о придворных ей не составило труда, и она бойко ответила:

– Например, граф Прованский, монсеньор.

Тонкие брови кардинала поползли вверх.

– Брат короля? Скучный? Чем же он заслужил вашу немилость?

– Прежде всего тем, что он лентяй, бездельник и сплетник, а еще он плохо относится к человеку, которого я безмерно уважаю, – проговорила Жанна. – Или, по-вашему, распространять непристойные слухи о Марии-Антуанетте пристало человеку королевской крови? Я слышала, некоторые мечтают вызвать его на дуэль, чтобы положить конец памфлетам, порочащим королеву и наводнившим весь Париж.

– Говорят, граф Прованский обращался за помощью в сочинительстве к самому Бомарше, – вставил Калиостро. Де Роган сделал вид, что впервые слышит об этом.

– Правда? Странно. Мне кажется, великий сочинитель ни за что не пошел бы на такое подлое дело. Вспомните, Мария-Антуанетта даже сыграла в одной из его пьес роль Розины.

Графиня состроила милую гримаску и пожала плечами.

– Допустим, он и сам не предполагал, что делает, хотя я не представляю, как это возможно. Но оставим все на совести Бомарше. Он далеко не первая скрипка в этом дуэте. Сама Мария-Антуанетта не держит на него зла.

Кардинал напрягся.

– Она не перечисляла вам своих так называемых врагов?

Задав вопрос, де Роган тут же одернул себя за несдержанность. Ну откуда она может знать об этом? Вряд ли королева доверилась бы такой особе. Алессандро сжал кулаки, молясь про себя, чтобы его ученица не наговорила лишнего. Однако ума и находчивости графине было не занимать.

– Хотите знать, не входите ли вы в их число? Когда-нибудь я скажу, что думает о вас королева, но не сейчас. Давайте поговорим о ком-нибудь другом, например, о брате короля и начальнике моего супруга графе д'Артуа. Он умный и красивый, но... у него столько любовных приключений, что сам Бомарше, решив сделать его героем своей пьесы, запутался в именах его любовниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/baskova_ol-ga/proklyatoe-ozherel-e-marii-antuanetty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)